

Сергей Иванович Зверев
Акваланги на дне
Серия «Морской спецназ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170873
Сергей Зверев. Акваланги на дне: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-05553-3

Аннотация

Лучше бы не встречал морской спецназовец Серега Павлов по прозвищу Полундра своего боевого друга Лешку Дорофеева! Подставил его друг, да так подставил, что не отмажешься. Предложил лихое дело – достать из цеха бывшего военного завода приборы, содержащие драгоценные металлы. Правда, сделать это не так легко – до завода можно добраться только через подводные галереи. Ладно, Полундре не привыкать работать в таких условиях! Только вот не знал он, что там, под водой, его ждет смертельная ловушка, в которой погибли уже трое боевых пловцов...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	28
Глава 10	33
Глава 11	38
Глава 12	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Зверев

Акваланги на дне

Глава 1

Внушительных размеров подземный коридор тянулся ровной, прямой линией, его гладкие стены, вырубленные в сплошной скале из светло-розового с темными прослойками гранита, имели высоту более четырех метров и оканчивались сверху полукруглым сводом, словно в галереях какого-то древнего языческого храма. Впрочем, как раз на храм этот подземный коридор был менее всего похож. Потому что стены были сплошь усеяны какими-то трубами, переплетающимися в немыслимые узлы, кусками арматуры, назначение которых теперь уже невозможно было бы угадать, узкими и крутыми стальными лестницами, обрывавшимися над бездной и не ведущими никуда.

Бесчисленные новые коридоры, такие же внушительные и меньших размеров, отходили во все стороны от этого главного, терялись во мраке, заставляя предполагать целый подземный лабиринт, из которого один только Всевышний мог знать выход. В самом низу подземного коридора вместо бетонного пола тихо плескалась вода, коридор был частично затоплен, причем, судя по ровной и ничем не замутненной глади, течение в вырубленном в граните лабиринте отсутствовало.

По ровной, как зеркало, воде внизу подземной галереи на небольшой надувной резиновой лодочке с веслами плыл человек. Он был одет в гидрокостюм, плотно облегающий его крепкое, мускулистое тело, выдающее спортсмена-профессионала, голову его и лицо закрывала маска акваланга, два баллона были укреплены на спине, а на ногах виднелись ласты. Свет его довольно мощного электрического фонаря, поставленного на носу лодочки на манер прожектора, не в силах разогнать мрак огромного подземелья, лишь изредка выхватывал то замысловатое переплетение труб под потолком, то кусок свисающей со стены лестницы, то торчащие прямо из воды на манер дреколья острые концы арматуры. Их человек в лодке огибал с величайшей осторожностью, понимая, какую опасность они представляют для его утлого надувного суденышка.

Лодка, на которой плыл по подземной галерее человек, была совсем крошечной, рассчитанной на одного пассажира с грузом. Этот груз был в мешке и находился впереди гребущего веслами человека, поверх же мешка, кроме мощного фонаря, единственного источника света во мраке полузатопленного подземелья, лежала, тускло поблескивая в отблесках электрического света, небольшая карта-план, покрытая ламинированным слоем, защищающим ее от опасности вымокнуть и загрязниться.

Несомненно, эта ламинированная карта была планом вырубленного в гранитной скале лабиринта. Потому что человек на лодке справлялся с ней постоянно. Подплывая к очередному ответвлению от основного коридора, он останавливался, бросал весла, брал в руки фонарь, освещал им вход в галерею – над каждым из них обязательно висела табличка из нержавеющей стали с выгравированным на ней номером. Рассмотрев номер, человек в лодке глядел на свою ламинированную карту, после чего снова укреплял на носу фонарь и плыл дальше. Так он медленно, но верно продвигался по запутанному лабиринту подземных галерей.

Вот, справившись с картой, аквалангист в лодке свернул в одну из боковых галерей, затем последовали новые повороты в разные стороны. Чем дальше продвигался аквалангист, тем больше виднелось следов человеческой деятельности в подземелье. Все больше попадалось разнокалиберных ржавых труб под потолком и на стенах, которые сплетались в

невероятные, непонятные для стороннего наблюдателя узлы, чаще и чаще возникали вдоль стен лестницы-трапы, подводящие к каким-то загадочным дверям в толще скалы.

С каждым метром галерея становилась все уже, а торчащие со всех сторон прутья разорванной и изогнутой арматуры подбирались все ближе, так что аквалангист на надувной лодке должен был проявлять максимум внимания, чтобы не зацепиться за них и не повредить свое хрупкое плавсредство. Вместе с тем, казалось, он ничуть не удивлялся этому нагромождению непонятных, жутковато выглядящих стальных конструкций, словно эти галереи выглядели именно так, как он и предполагал.

Внезапно узкая галерея, по которой плыл аквалангист, расширилась, образовав что-то вроде небольшого зала, полузатопленного морской водой. Из этого зала так же во все стороны расходились галереи, но некоторые из них были закрыты огромными решетками с толстыми прутьями, а другие оказались и вовсе затоплены морской водой, о них свидетельствовали только таблички из нержавеющей стали, укрепленные на гранитной стене над самой водой, и видневшийся проржавелый механизм подъема закрывающей их решетки. Казалось, подземный зал был каким-то узловым местом в системе подземного лабиринта, потому что в нем вокруг стен было оборудовано что-то вроде причала и бетонной площадки, достаточной для того, чтобы вытащить на него надувную лодку.

Аквалангист именно так и сделал. Он вытащил свою надувную лодочку на бетонный бортик, почему-то не решившись оставить ее на плаву. Еще раз внимательно осмотрелся вокруг, потом склонился над ламинированной картой, изучение которой также удовлетворило его. Тогда он расстегнул лежащий в ней брезентовый непромокаемый мешок, вытащил оттуда портативную рацию, включил ее на передачу.

– Я на месте, – проговорил аквалангист в микрофон рации, и его голос прозвучал странно робко и призрачно в этом полузатопленном подземелье. – По карте все сходится: галерея 16-С на месте, она затоплена и закрыта стальной решеткой... Начинаю погружение. На связь выйду через полчаса.

– Понял. Действуй! – ответила рация мужским, басовитым и раскатистым голосом, и говоривший отключился.

Аквалангист спрятал рацию обратно в мешок. Вместо нее извлек оттуда огромные кусачки для перекусывания стальной проволоки большой толщины и прочности, пневматический пистолет для подводной стрельбы, стреляющий тонкой стальной иглой, подводный химический источник света, нож с широким и прочным лезвием. Все это он хитроумно укрепил на поясе гидрокостюма, затем взял в рот загубник, ведущий к баллонам с воздухом и до тех пор попросту болтавшийся за его спиной. Открыл вентиль первого баллона, убедился, что тот функционирует нормально. И только после этого аквалангист очень осторожно, чтобы не расшибиться о металлоконструкции, в изобилии торчащие вокруг него из воды, соскользнул с бортика и ушел под воду.

Как и всегда в заброшенных и затопленных водой сооружениях, в этом подводном коридоре видимость была плохой. Взвесь из мазута и ржавчины, казалось, никогда не оседала в этих галереях. Зеленоватый свет химического фонаря смутно освещал лишь небольшое пространство впереди на расстоянии вытянутой руки, выхватывая из мрака концы торчащих обрывков арматуры, каких-то изогнутых труб, обломков металлоконструкций. Все металлические детали вокруг были отменно ржавые, изъеденные коррозией до предела, и непонятно было, почему эти железяки до сих пор держатся в морской воде, не рассыпаются в прах.

Перед аквалангистом находилась галерея 16-С, вход в которую закрывала ржавая решетка с толстыми, из прочной стали прутьями. Казалось, аквалангист был готов обнаружить ее здесь. Он подплыл вплотную к решетке, снял с пояса огромные кусачки и стал один за другим перекусывать толстые прутья и отгибать их в сторону, образуя внушительных

размеров дыру. Как ни странно, перекусывание и отгибание далось ему без особенных усилий, внешне толстые и прочные прутья оказались сильно изъедены коррозией. Так что уже менее чем через десять минут в решетке оказалась дыра, достаточная для того, чтобы человеку в акваланге протиснуться сквозь нее. Аквалангист именно это и сделал. Оказавшись за преграждавшей вход в галерею 16-С решеткой, он продолжил свой путь по затопленному коридору, умело уворачиваясь от торчащих со всех сторон острых концов арматуры.

Внезапно сильнейший толчок сзади отбросил его вперед, едва не натолкнул на торчащий на манер копья конец разорванной и ржавой трубы. Вода вокруг заходила ходуном, сильная вибрация стала швырять аквалангиста по узкому пространству затопленной галереи, грозя расшибить его насмерть о торчащие со всех сторон острые железяки. Кое-как сумев вцепиться в какой-то торчащий из стены крюк, аквалангист оглянулся. Позади него бесшумно и величественно опустилась огромная бронированная плита, наглухо перекрывшая узкое пространство подводного коридора и преградившая ему путь обратно, прочь из галереи. И едва он понял это, как новое сотрясение воды заставило его изо всех сил вцепиться в торчащий из стены крюк. Впереди него, там, куда он хотел проплыть, опустилась вторая, точно такая же глухая плита из бронированной стали. Аквалангист оказался в ловушке.

Лицо аквалангиста исказила гримаса смертного ужаса. Он метнулся было к одной плите, тщательно осмотрел и ощупал ее, затем к другой – нет, это было бесполезно. Они перекрывали коридор наглухо, так что никакого средства проскользнуть мимо них не было. В свете химического фонаря он вдруг заметил на гранитной стене коридора три стеклянных кружочка, тускло поблескивавших в сумраке подземелья, словно глаза мертвого зверя. Увидев их, аквалангист все понял. Это были фотоэлементы, реагирующие на всякое движение в толще воды и при появлении всякого движущегося объекта включающие механизм, опускающий бронированные плиты. Проклятые строители этих коридоров решили обезопасить их от непрошенных гостей. И вот уже столько лет эти подводные катакомбы были заброшены, а автоматические шлюзы-ловушки работали, будто новые.

Аквалангист понял, что выхода из этой ловушки для него нет. Те, кто ее устраивал, уж постарались, чтобы угодивший в нее не смог бы выбраться самостоятельно. Свою рацию, по которой он мог бы сообщить о постигшей его беде, аквалангист вместе с лодкой оставил на бетонном бортике, и помощи в этом заброшенном и полностью безлюдном подземелье ему было ждать неоткуда. Это означало, что жить ему оставалось ровно столько, на сколько хватало воздуха в баллонах. Холодный пот прошиб аквалангиста, ужас сковал грудь.

Аквалангист был человек уже немолодой, когда-то в юности неплохо натренированный, но с тех пор он заметно ослаб и раздобрел вследствие своего, в общем-то, неспортивного образа жизни. Поняв, что ему крышка, он страшно испугался, на грудь его словно навалилась ледяная глыба, а сердце в груди застучало бешено и с отчаянной силой. В пароксизме отчаяния и страха человек метнулся вверх, ударился головой о какой-то торчащий из толщи гранита выступ арматуры, почувствовал, что в глазах его темнеет от боли.

По инерции его тело стало погружаться вниз, ко дну коридора, и когда аквалангист открыл глаза, то первое, что он увидел, было искаженное ужасом, с широко раскрытыми стеклянными глазами, мертвое человеческое лицо за маской акваланга. Это было лицо аквалангиста, прежде него попавшего в эту ловушку и погибшего в ней. Однако наш аквалангист ничего не знал про это, и вид этого мертвого лица был настоящим шоком для него. Ему показалось, что сам призрак смерти уже явился за ним, и суеверный ужас охватил все его существо. Внезапная адская боль пронизала грудь, будто что-то с силой ударило прямо против сердца. Почувствовав приступ удушья, аквалангист, забывшись, инстинктивно стал хватать ртом воздух – и выпустил загубник.

Освобожденный воздух из баллона тут же стал крупными пузырями уходить в воду. А сам аквалангист захлебнулся соленой морской водой прежде, чем сердечный приступ довершил дело. Тело с остекленевшими от ужаса и боли глазами вытянулось, задергалось в последних стремительных конвульсиях, но вскоре затихло, замерло, будто окаменело. Человек был мертв.

Воздух из первого баллона продолжал выходить все более слабеющей струйкой, скапливаясь под потолком герметично перекрытой галереи и образуя там большой пузырь. Второй же баллон на спине умершего аквалангиста так и остался нетронутым, кран, переключающий шланг загубника с одного баллона на другой, так и остался непереверденным.

Глава 2

Находящийся в пятнадцати километрах от Севастополя приморский городок Балаклава расположился на берегу небольшой, со всех сторон закрытой скалами бухты. С морем эту бухту соединяет узкий и извилистый пролив, ширина его в некоторых местах не более трехсот метров. Однако пролив достаточно глубок, так что судно практически любого класса и назначения может войти в Балаклавскую бухту.

Балаклава вместе с ее бухтой является одним из живописнейших уголков в Крыму. Долгое время этот городок был закрытым, и красотами местной природы могли любоваться лишь немногие люди, причастные к Краснознаменному Черноморскому флоту. С развалом флота городок утратил свое стратегическое значение, получил статус открытого, однако балаклавский маршрут до сих пор остается одним из самых малоизведанных в Крыму, практически не тронутым туристическим бизнесом, что придает этому месту первозданную красоту и очарование.

Горы вокруг Балаклавы совершенно зеленые, поросшие странными на взгляд выходца из средней полосы России субтропическими деревьями и кустарниками. Скалы, окружающие Балаклавскую бухту, большей частью почти отвесно сходят к воде, только слева от входа в бухту вместо гранитных скал расположен огромный пологий холм, на котором издали виднеются развалины генуэзской крепости, построенной в этих местах еще в четырнадцатом веке.

Правая сторона залива получила среди местного населения название Белых камней, из-за того что почти отвесные, высящиеся у самой воды скалы почему-то совершенно голые, напрочь лишены растительности. Скалы эти состоят из особенного, характерного именно для Крыма светло-розового с более темными прожилками гранита, напоминающего свежее мясо. В лучах полуденного, а особенно заходящего солнца эти скалы горят белым золотом, и не случайно расположенные по соседству с Белыми камнями песчаные отмели балаклавцы так и называют: Золотой пляж, Серебряный пляж.

Белые камни – довольно оживленное место. Там неподалеку от входа в бухту расположен причал, где постоянно дежурит сторожевой катер морской пограничной службы Украины. Немного подальше, где склон бело-розовой горы менее отвесно спускается к морю, расположен пляж, и в самом разгаре «бархатного сезона» там полно отдыхающих. Неподалеку от этого пляжа всегда снует по бирюзовой глади моря множество маломерных плавсредств: катера, надувные лодки с подвесным мотором, байдарки и даже водные велосипеды. Так что никто особенно не обращал внимания на небольшой морской мотобот, который упруго колыхался на легкой прибрежной зыби. Ни у кого не вызывал удивления даже тот факт, что этот мотобот был поставлен на якорь возле самой отвесной бесплодной скалы, там, где, казалось бы, совершенно нечего было искать.

Сидящего на корме мотобота скучающего мужчину вовсе не трогали восхитительные красоты южной природы. Он рассеянно и равнодушно шурился на играющее яркими бликами под полуденным солнцем бирюзовое море, над которым носились с тревожными криками белоснежные чайки, чуточку настороженным взглядом провожал каждый проплывающий мимо него катер, на живописные зеленые горы над его головой он даже не смотрел. Быть может, хозяин мотобота, несомненный коренной житель курортного полуострова, настолько привык ко всей этой красотище, столь ошеломляюще действующей на утомленного унылым сумрачным небом жителя севера страны, что попросту не замечал ее. По виду этого человека легко можно было заключить, что сентиментальность и склонность к поэзии менее всего свойственны его характеру.

На вид сидящему на корме мотобота было около сорока пяти лет. Это был довольно красивый мужчина с крупными и эффектными чертами лица, из тех, что нравятся женщинам. Особенно сильное впечатление на них должны производить волевые складки на его скулах и выступающий вперед квадратный подбородок, придающий ему сходство с героями-суперменами из голливудских фильмов. Его загорелое, мужественное лицо ничуть не портили едва заметные шрамы на шее и подбородке, какие обыкновенно остаются после пластических операций, например, подтяжки кожи на лице. Рельефные, хорошо развитые мускулы проступали сквозь плотно облегающий его тело полосатый флотский тельник, что указывало на его принадлежность к морскому сословию. Впрочем, на Черноморском побережье Крыма тельники в быту носят едва ли не все взрослые мужчины, и жизнь многих из них так или иначе связана с морем.

Сидящий на корме мотобота мужчина с квадратным подбородком глянул на часы, потом вопросительно уставился на портативную коротковолновую рацию с длинным отростком антенны, которую он держал в руках. Вполголоса, как делают люди, чувствующие себя в полном одиночестве, он пробормотал:

– Ну же? Полчаса прошло. Где же твой выход на связь?

Он с выражением нескрываемой тревоги оглянулся на отвесную скалу берега. Только отсюда, находясь возле самого камня, можно было рассмотреть, что гранитная стена, уходящая отвесно в море, не была сплошной, в ней чернел небольшой, не более полутора метров шириной и на столько же возвышающийся из воды грот. Мужчина снова глянул на часы, потом рассеянно оглядел синеющий вдали горизонт, где спокойное бирюзово-синее море сливалось с безбрежной лазурью небес. Он терпеливо ждал, что вот-вот лампочка на рации засветится и ушедший в вырубленный в скале полузатопленный лабиринт аквалангист, как обещал, выйдет на связь. Но прибор молчал, и человек с квадратным подбородком озабоченно хмурил брови.

Наконец он не выдержал. Нажал на рации какую-то кнопку, заговорил своим мягким, уверенным басовитым голосом.

– Анатолий! Как слышишь меня? Анатолий! Прием.

Однако рация безмолвствовала, видимо, Анатолий не слышал его.

Раздосадованный человек на мотоботе выключил рацию и презрительным жестом швырнул ее на сиденье рядом с собой. Он принялся снова со скучающим видом глазеть на окрестный восхитительный пейзаж, потом, словно соскучившись, потупился, стал глядеть только на воду, лениво плескавшуюся в борт его небольшого суденышка.

Так прошел час, полтора. Мужчина на корме словно заснул, сидя ссутулившись и глядя на воду. Внезапно он встрепенулся, опять глянул на часы, сокрушенно покачал головой. Снова подхватив с сиденья рацию, он принялся вызывать ушедшего в тоннель аквалангиста, однако ответа так и не получил. Тогда только он безнадежно махнул рукой, небрежно бросая портативный передатчик на мешок с вещами.

– Короче, все, крышка ему, – вполголоса, как бы для самого себя проговорил он. – Однако это уже третий. – Он горько усмехнулся, с досадой сплюнул в море. – Что за херотень там, в самом деле, что, кого ни пошлю, никто не возвращается?!

Человек с квадратным подбородком потянулся к расположенному на корме мотору, завел его, дал газ, стал медленно разворачиваться и взял курс куда-то в сторону, прочь от Балаклавской бухты. На оставшийся за его спиной загадочный грот, за которым открывалось рукотворное подземелье, он больше не смотрел.

Глава 3

– От второго причала отходит катер по маршруту «Графская пристань – Северная сторона».

Голос диктора сменили светлые и печальные звуки «Севастопольского вальса». Небольшой прогулочный теплоходик с кучей праздного курортного народа на борту взревел, натужно загудел мотором, распространяя вокруг отвратительный, едкий запах дизельных выхлопов. Молодой матрос в тельнике и джинсах проворно разматал швартовы, покидал их на борт своего суденышка, запрыгнул на него сам. Теплоходик забурился винтами за кормой, будто нехотя отвалил от дебаркадера, стал медленно разворачиваться, чтобы взять курс на другой берег огромной бухты, называющийся Северная сторона.

Среди собравшейся на палубе катера разномастной толпы – отдыхающие с их беспечно расслабленным и пьяно-веселым видом, озабоченные и хмурые коренные жители Севастополя – особенно выделялся в первую очередь благодаря своему огромному росту и богатырскому телосложению молодой мужчина лет около тридцати, по обветренному и загорелому лицу которого и особенной выправке нетрудно было догадаться, что это морской офицер. Рядом, тесно прижимаясь к нему, стояла молодая женщина, ее на редкость красивое, с мягкими и правильными чертами лицо обрамляли нежно-золотистые волосы. На плечах моряк держал полуторовагодовалого сынишку, который с серьезным и сосредоточенным видом глазел на все вокруг, чувствуя себя на папиных плечах уверенно и комфортно.

Стоящего на палубе катера высокого атлета с ребенком на плечах звали Сергей Павлов. Он и в самом деле был морской офицер, старший лейтенант, служил на Северном флоте, а в Крым приехал отдыхать с семьей. Хотя старший лейтенант на флоте ненамного более высокое звание, чем в армии, в отношении старлея Павлова случай был особый. По должности своей он был командиром отряда боевых пловцов Северного флота России, элитного воинского подразделения, подчинявшегося непосредственно контрразведке штаба флота. Этот отряд состоял только из офицеров и мичманов, и те обязательно должны были окончить не только воинскую школу или высшее командное училище, но и специальную «учебку», которая до того времени располагалась в Крыму, в городе Балаклаве, и лишь в последние годы была расформирована.

Воинская квалификация у боевых пловцов во все времена была исключительной. Их обучение и подготовка включали не только совершенствование своей физической формы, уверенное владение всеми видами огнестрельного и холодного оружия, приемами рукопашного боя, но и – это в первую очередь! – тщательнейшее изучение и освоение навыков погружений и поведения под водой. Боевой пловец должен уметь плавать как рыба, погружаться с аквалангом на предельные и запредельные глубины, находиться под водой дольше, чем это может обычный человек. Все это приближало настоящего боевого пловца к легендарному, воспетому в знаменитом фантастическом романе образу человека-амфибии.

К этому надо прибавить большую интеллектуальную подготовку.

В балаклавской учебке самым подробным и основательным образом изучали не только географию, военную историю, и в первую очередь историю военного флота, но и внутреннее устройство всего, что когда-либо плавало, плавает и будет плавать по всем морям и океанам земного шара, а это далеко не пустяковый объем информации. Так что настоящий морской спецназовец – это не только накачанные мускулы и умение махать руками и ногами, но прежде всего исключительный интеллект, направленный на выполнение боевых задач на грани невозможного, связанных с морем, и способность к выживанию в исключительных условиях, где, казалось бы, не уцелеть никакому живому существу.

Однако если таковы требования, предъявляемые к рядовому бойцу отряда боевых пловцов, то какова должна быть квалификация у командира этого элитного подразделения, который в настоящий момент стоял на борту рейсового севастопольского катера и с наслаждением щурился на сияющее блестками море.

Сергей Павлов на самом деле был на своем флоте своего рода знаменитостью. О боевых операциях с его участием рассказывали друг другу не только офицеры и мичманы в дружеских застольях, но и командиры своим матросам во время теоретических занятий, про него даже ходили легенды. За буйный нрав и исключительное мужество и находчивость в нестандартных ситуациях старлей Павлов еще в годы своей юности получил прозвище Полундра. Под этим прозвищем знал его весь Северный флот.

Теперь, едва небольшой рейсовый катер, глухо зарокотав двигателем, отвалил от бетонной стенки причала, Сергей Павлов с наслаждением вдохнул свежий морской воздух и почувствовал то особое блаженное волнение, какое испытывает истинный моряк, когда он выходит в море, пусть даже на такой недолгий срок.

– Интересно, Сережка, – заговорила его белокурая жена Наташа, – а что, общественный транспорт на эту Северную сторону в Севастополе не ходит?

– Троллейбус ты имеешь в виду? – переспросил Полундра. – Конечно, ходит. Только понимаешь, в Севастополе во многие районы проще добраться морем, чем по суше. И быстрее, и надежнее.

– Серьезно?

– Сам город расположен вокруг Севастопольской бухты, – продолжал старлей, – а бухта представляет собой огромную береговую излучину. И прежде тут работали перевозчики, возили людей на лодках из одного района города в другой, потому что добраться по воде намного проще и быстрее, чем тащиться по улицам. А теперь-то и подавно здесь регулярно курсируют катера. Катера в Севастополе и есть самый популярный общественный транспорт.

– Но ведь катер идет медленнее, чем, например, автобус, – возразила Наташа.

– Вовсе нет! – ответил Полундра. – Его реальная скорость сейчас где-то двадцать пять узлов, это сорок пять километров в час. Примерно с такой же скоростью тащится автобус по городским улицам, особенно если они разбиты, а у автобуса много остановок. Но не в этом дело! Катер же идет напрямую, через бухту, поэтому все равно выходит быстрее. К тому же плыть по морю – это же здорово! Смотри, какая красотища! – Он указал на стремительно удаляющуюся от них Графскую пристань. – Севастополь с моря изучать даже лучше, чем с суши, виды великолепные.

– Да, это здорово, – согласилась Наташа, с восторгом оглядывая панораму открывающегося с моря Севастополя.

– Вон, смотри, – продолжал Полундра, указывая в сторону города. – Место, откуда мы вышли, называется Графская пристань. Она как бы центральная в Севастополе, расположенная посередине бухты. Прямо к ней примыкает площадь адмирала Нахимова. На ней, видишь, вон то старинное здание, окна с матовыми стеклами? Это штаб российского Черноморского флота.

– Конечно! Ты мне его показывал уже, когда мы проходили мимо!

– А, ну да. Штаб нашего флота я тебе действительно показал. Ты же знаешь, что Черноморский флот теперь разделили, часть кораблей осталась у России, а часть передали Украине. Штаб Черноморского флота Украины, он в другом месте...

Они немного помолчали.

– Не надоело тебе море? – неожиданно спросила Наташа, снизу вверх пытаясь заглянуть своему мужу в глаза. – На службе – море, отдыхать приехали – тоже море.

– Да, пожалуй что, – ответил, улыбнувшись и щуря свои глаза на солнце, моряк. – Но я взял, что дают. Путевку в санаторий Военно-морского флота на сорок пять суток в Крым, да еще в бархатный сезон получить, – это, знаешь ли, не каждому выпадает. К тому же море здесь другое, теплое, ласковое. Не то что у нас в Североморске. Ничего, отдохнем! – обнадеживающе воскликнул он, поднимая своего сынишку повыше, чтобы тот мог лучше видеть окружающее великолепие.

– Ой, Сережа, смотри! А это что, маяк? – Она указала на высокую, увенчанную огромным стеклянным конусом башню из красного кирпича, высившуюся справа по ходу катера.

– Конечно, – ответил Полундра. – И ночью он светится. В тихую и ясную погоду прямо видно, как луч его на воду ложится.

– Это ведь очень красиво, правда? – воскликнула Наташа.

– Ну да. – Сергей усмехнулся. – Только на красоте и живописности достоинства этого маяка и заканчиваются. Практическая польза навигации от него теперь равна нулю. Так, исторический памятник.

– Исторических памятников тут, я смотрю, не счесть, – заметила жена, вглядываясь в береговую полосу. – Вон там редуты какие-то, скульптуры...

– Это бастион времен первой обороны Севастополя, во время Крымской войны. А вон то, – Полундра указал назад, где за кормой катера виднелось какое-то величественное сооружение, – Памятник погибшим кораблям.

Наташа несколько мгновений рассматривала величественный и мрачный памятник. Потом машинально обернулась, посмотрела вперед по ходу катера. Там у самой оконечности бухты на Северной стороне высились на рейде большие, угловатые и грозные серые корпуса военных кораблей. Лицо Наташи стало серьезным.

– Это наши корабли? – спросила она своего мужа.

– Украинские, – ответил Полундра. – Когда-то здесь находилась база Черноморского флота СССР, теперь база ВМС Украины. Украинский Черноморский флот.

– Ну да, ты мне рассказывал, – проговорила она. – Ты ведь служил здесь.

– Не совсем здесь, – возразил ей Полундра. – Я служил в Балаклаве, это пятнадцать километров от Севастополя. Там раньше была учебка морского спецназа, сейчас-то ее расформировали. А я еще успел в ней поучиться. Сразу как Нахимовское училище кончил, меня сюда и направили.

– Ах, ну да, ты же у нас элитный спецназ! – усмехнулась Наташа, крепко прижимаясь к мужу, обнимая и целуя его, а заодно и своего Андрюшку, который, казалось, со всем вниманием прислушивался к разговору родителей. – Ты у нас самый крутой подводник на всем Северном флоте!..

В этот момент завывла сирена. Катер уже пришвартовался к небольшой пристани на Северной стороне Севастополя, и матрос в полосатом тельнике и джинсах прыгнул на бетонный дебаркадер и приготовился принять швартовы и намотать их на чугунные кнехты. Полундра с женой и сыном направились к борту теплоходика, готовясь сойти на берег.

Оказавшись на пристани, они некоторое время неторопливо и вроде бы бесцельно шагали по тенистому тротуару одной из нешироких и тихих севастопольских улиц. Красивые, старинной постройки дома высились с обеих сторон ее. Полундра с сыном на плечах был задумчив, не смотрел по сторонам и молчал, между бровей его залегла сосредоточенная складка. Наташа поначалу думала, что они идут по городу просто так, куда несут их ноги, но вот ее муж довольно уверенно свернул за угол, перешел на другую сторону улицы. Это все производило впечатление, что старлей ведет ее с какой-то вполне определенной целью. Зная характер своего мужа, Наташа чувствовала, что в душе его происходит что-то не совсем обычное. Вместе с тем его сосредоточенное молчание несколько пугало и тревожило ее.

– Ты, Сережка, кстати сказать, – заговорила она, истомившись молчанием, – так до сих пор и не сказал мне, зачем мы отправились на эту Северную сторону. Почему не на пляж? Вчера только приехали. Успеет еще везде побывать!

– Да, конечно, – очнувшись от задумчивости, ответил Серега Павлов. – Но так надо. Сейчас придем, сама все поймешь.

Они снова свернули на какую-то еще более тихую и спокойную улицу и вдруг вышли на небольшую площадь. На противоположном конце этой площади виднелась старинного вида арка, от нее в обе стороны шла изящная, с замысловатыми узорами чугунная решетка ограждения. За этой решеткой виднелся большой тенистый парк, высокие, раскидистые кроны его деревьев в этот по-южному жаркий и солнечный полдень так и манили прохладой. Возле входа в парк вдоль арки сидели старушки и продавали цветы. Ни слова не говоря, Полундра направился к одной из них и, не торгуясь, купил букет.

– Это кому? – заинтересованно наблюдая за его действиями, спросила Наташа.

– Прости, не тебе...

И Полундра с ребенком на плечах и с букетом в руке повел ее под арку, в тенистый парк.

Некоторое время они шли молча по широкой и аккуратно подметенной аллее. Внезапно внимание Наташи привлекли видневшиеся между деревьями многочисленные скульптуры из белого камня, среди которых были и кресты.

– Это ведь кладбище! – вдруг осенило ее. – Да, Сережка? Это ведь кладбище, правда?

– Да, мемориальное, – отозвался Полундра. – Кладбище очень старое, здесь похоронены еще защитники Севастополя, погибшие во время осады города в Крымскую войну, в 1853—1856 годах. Вон, видишь, какие тут надгробия. – Он указал на скульптуру плачущего ангела рядом с огромным православным крестом. – Потом здесь хоронили погибших при обороне города в Великую Отечественную войну. И жертвы взрыва на линкоре «Новороссийск» в 1957 году.

В этот момент Наташа вскинула на Полундру свои ясные глаза.

– Извини, – глухо пробормотал он. – Просто нас в свое время очень жестко заставляли заучивать все эти факты, так что теперь это само собой лезет.

– У тебя что, на этом кладбище тоже кто-то похоронен? – спросила Наташа.

– Именно, – ответил Полундра. – Туда мы сейчас и идем.

Они свернули в одну из боковых аллей. По уверенности, с какой шел североморец, можно было заключить, что он хорошо знаком с кладбищем и не раз уже бывал здесь.

Теперь они вышли на сравнительно новый участок кладбища. Здесь больше не было тенистых деревьев, молодые посадки только подрастали, и с неба всю жарю солнце. Надгробия были все одинаковые, в форме простого куба высотой едва по колено, правда, сделаны они были из розово-красного крымского гранита с тщательно отполированными поверхностями. На всех надгробиях были выгравированы и выкрашены золотой краской пятиконечные звезды и якоря, имена, фамилии и звания похороненных здесь моряков. Однако от времени и непогоды золотая краска на многих из них облупилась, что производило грустное впечатление.

Полундра остановился возле одного, в точности похожего на другие надгробия. На полированной поверхности гранитного куба были выбиты слова: «Рябинин Николай Васильевич, капитан первого ранга», а даты указывали на то, что погиб этот офицер около десяти лет назад, и на момент гибели ему было где-то под сорок.

Сняв с плеч сына и передав его Наташе, Полундра бережно возложил букет цветов на это скромное надгробие. Потом достал из сумки бутылку водки и пластиковый стакан. Откупорив бутылку, он налил немного водки в стакан и по старинному православному обычаю окропил ею могилу крестом справа налево. Только после этого налил себе, с самым

сосредоточенным видом выпил. Поставил бутылку и стакан на траву рядом с надгробием. Постоял некоторое время молча.

Стоящая рядом Наташа спокойно и терпеливо ждала объяснений.

– Это был мой командир в Балаклаве, – глухим голосом заговорил Полундра. – Командир ракетного крейсера, учитель наш. Боевой офицер, каких мало. Меня по окончании учебки перевели на его крейсер, и вот месяц где-то я прослужил, как случился на судне пожар. А на судне это самое страшное, что может случиться, много страшнее пробоины. От пробоины не гибнут люди, ее всегда можно заделать, даже в боевых условиях. – Полундра умолк на мгновение, рассеянно потер виски. – Так при этом командир про себя в последнюю очередь думал. Сначала пожар тушить... Потом видим, не справится нам, крейсер практически весь запылал, тогда он приказал всем эвакуироваться. Всех до единого, до самого последнего матросика-срочника вперед себя пропустил, всем помогал из пылающего корабля выбираться. А сам вот... – Полундра грустно кивнул на гранитное надгробие.

– Как же это он так? – озадаченно проговорила Наташа. – Что, не было возможности в воду прыгнуть?..

– Никто не знает, как это случилось, – с печальным вздохом ответил Полундра. – Никто толком ничего не видел, сама понимаешь, пожар, не до того было. Говорили, вроде как провалился он в какую-то дыру, в самое море огня. Матросиков вот спас, а сам... Десять килограммов органики от командира нашего всего и осталось, наскребли в золе.

Шокированная этим печальным рассказом, Наташа помолчала немного, потом спросила:

– А из-за чего произошел пожар? До этого докопались?

– До конца так и не выяснили, – ответил Полундра. – Установлено было самовозгорание топливного бака одной из ракет, слава богу, учебной боеголовки на ней не было в тот момент, иначе бы от нашего крейсера груды металлолома осталась. А почему она загорелась, конструкторы так окончательно и не поняли. Написали в заключении: «роковое стечение обстоятельств». Эту фразу всегда пишут, когда не знают истинных причин.

– А что, при том пожаре только командир крейсера погиб? – спросила Наташа.

– Да нет, увы! – вздохнул Полундра. – Двенадцать моряков недосчитались мы после пожара, в том числе двоих офицеров. Но их всех родные домой забрали, все, что там осталось, удалось наскрести в трюме. Только командира вот здесь похоронили. Оказалось, у него в целом мире никого родных нету, ни жены, ни детей.

– И ты что, раньше часто сюда приходил?

– Пока служил в Крыму, да, – ответил старлей. – А потом, как перевели меня на Северный флот, то как же я стал бы сюда приходить?.. Шесть лет вот уже на могиле командира не был.

Полундра умолк, захваченный печальными думами и воспоминаниями.

Между тем маленький Андрюшка стал осторожно дергать за рукав Наташу. Его отец, как ни погружен был в свои мысли, заметил это.

– Ладно, пойдем отсюда, – со вздохом проговорил он. – Ну что, время еще детское, солнце вон как жарит. Мы еще и на пляже успеем побывать. Верно я говорю, сынок?

Полундра подхватил Андрюшку и усадил его обратно себе на плечи. Не спеша северо-морец направился по кладбищенской аллее к выходу, белокурая жена следовала за ним.

Глава 4

Центральный проспект Севастополя, носящий имя славного адмирала Нахимова, застроен главным образом старинными особняками, оставшимися в наследство от прежних богатых жителей этого старинного русского города и чудом пережившими осаду во время Великой Отечественной войны. Теперь новые хозяева жизни оценили красоту этих особняков, решили восстанавливать их, производить косметический евроремонт. Так что старинные здания Нахимовского проспекта зачастую оказывались обложенными строительными лесами, а тротуары вокруг них, и без того неширокие, в помеху прохожим становились строительной площадкой.

Работали на таких стройках, как правило, вовсе не местные рабочие. Много дешевле и надежнее для подрядчиков было пригласить дешевую и квалифицированную рабочую силу из соседней Турции. Соотношение между качеством их работы и зарплатой, которую им нужно было платить, получалось наиболее оптимальным для желающих строиться на постсоветском пространстве. Соответственно, у рабочих-турок в Крыму должен был иметься их представитель для того, чтобы решать все финансовые вопросы, улаживать конфликты между строителями и заказчиком, да и просто помогать им общаться с местным населением, потому что требовать от простых рабочих знания русского или украинского языка было совершенно немыслимо.

Представители рабочих обычно люди солидные, обеспеченные. Поэтому нечего удивляться, что возле ворот одной из такихстроек, куда заезжали тяжелые и грязные грузовики со стройматериалами и где сновали перепачканные в цементе и известке рабочие в ярких оранжевых спецовках и касках, стоял роскошный белый «Лексус». За рулем сидел водитель, не иначе как ожидавший своего хозяина.

А сам этот хозяин, средних лет представительный турок по имени Абу Али, с широким смуглым лицом, украшенным тонкой щеточкой усов, с черными как смоль, коротко стриженными волосами на голове, спортивного телосложения, худощавый и стройный, в очках с золотой оправой, торопливым шагом шествовал теперь по замусоренной и полной рабочей суеты стройплощадке. Двое местных татар не менее представительного вида едва поспевали за ним.

– Мы же единоверцы, Абу Али, – бормотал, задыхаясь на ходу, один из татар, по-видимому, главный из них, толстый и седой, с огромным отвислым животом и крупным золотым перстнем с печаткой на пальце. – Ты не можешь бросить нас на произвол судьбы. Коран предписывает истинному мусульманину помогать своим единоверцам в беде.

– Сначала растрясь свое жирное брюхо, Муслетдин! – не оборачиваясь, отвечал Абу Али. – Тогда я поверю, что тебе нужна какая-то помощь.

– Помощь нужна не мне одному, а всей татарской общине Крыма! – багровея от натуги, гневно крикнул Муслетдин. – Посмотри, что творится вокруг! Новая власть хозяйничает в Крыму, как ей вздумается! При прежних порядках татарам в Крыму жилось куда привольней, чем теперь. Мы могли быть спокойны за наше будущее, за наших детей. За нашу национальность, в конце концов! Теперь славяне притесняют нас. Запрещают строить новую мечеть...

– Новую мечеть? – переспросил Абу Али, внезапно останавливаясь и хитро глядя на толстого татарина. – Которую по счету за последние два года, Муслетдин?

Тот, от неожиданности едва не налетев на представительного турка, остановился, тяжело дыша, не знал, что ответить.

Вместо него это сделал его спутник.

– Вот как? – патетически воскликнул он. – Ты считаешь, что мечетей слишком много на крымской земле? Ты плохой мусульманин, Абу Али!

– Мурад прав! – обрел дар речи первый татарин. – Мы все единоверцы, люди, угодные Аллаху. Твой долг мусульманина – поддержать татарскую общину в Крыму, защитить от засилья неверных! А ты от этого долга бежишь, как низкий, грязный шакал! Бросаешь своих единоверцев на произвол судьбы. Так истинные правоверные не поступают!

Это обвинение привело солидного турка в ярость.

– Гнусные попрошайки! – размахивая руками, крикнул он. – Вы шлаетесь, кланчите деньги, мешаете серьезным людям работать. А кто знает, куда они деваются потом, эти деньги? В мечети, которую вы год назад открыли недалеко от мыса Фиолент, начала осыпаться штукатурка. Я сам это видел! Вы строите молитвенный дом из всякого дерьма! Как же после этого я могу вам жертвовать на храм?

– Плохая штукатурка – это не наша вина! – выкрикнул Муслетдин. – Это происки рабочих-славян!

– Нанимали бы правоверных строителей!

– Мы наняли, кого надо, – сумрачно глядя на солидного турка, проговорил второй татарин, по имени Мурад. В отличие от толстого и пожилого Муслетдина ему на вид было чуть больше тридцати, а сломанная переносица и твердые, как кость, мозоли на его ладонях изобличали в нем человека, увлекающегося восточными единоборствами. – Неужели ты думаешь, Абу Али, что мы стали бы наживаться на строительстве святой мечети?

– Я ничего не думаю, – с досадой стряхивая пот с лица, ответил турок. – Я только говорю, что видел. Я вам уже объяснял десяток раз: своих денег у меня нет! Я работаю на одну американскую фирму, которая финансирует реконструкцию вот этого гостиничного комплекса. – Он указал на одетое в строительные леса здание. – Все деньги, которыми я располагаю, принадлежат этой фирме!

– Ты скажешь, что работаешь на американцев задаром? Ты скажешь, что тебя наняли, как одного из вот этих рабочих, и у тебя нет своего интереса ни в одном из предприятий этой фирмы?

– Я занятой человек! – теряя терпение, воскликнул Абу Али. – Мне некогда с вами тут спорить. Меня ждут дела.

Он стремительно повернулся и направился было к вагончику прораба, где находился его кабинет. Однако на полпути он вдруг замер на месте с приоткрытым ртом. У двери вагончика стоял высокий, мускулистый моряк в плотно облегающем его тело атлета флотском тельнике. Нахальная улыбка играла на его волевом лице с квадратным подбородком, шрамы на шее от пластической операции в ослепительном свете полуденного солнца виднелись отчетливее, чем обычно.

Пробормотав какое-то турецкое ругательство, Абу Али торопливо полез в карман, вытащил оттуда бумажник, извлек из него несколько зеленых стодолларовых купюр и протянул их неотступно следовавшему за ним Муслетдину.

– Вот, возьмите, – торопливо проговорил он. – Это от меня лично. На строительство храма. И смотрите, чтобы в этот раз штукатурка в нем не осыпалась!

Он повернулся к татарам спиной, давая понять, что разговор окончен, и поспешил к ожидавшему его человеку.

Оставшись вдвоем, Муслетдин и Мурад задумчиво смотрели вслед солидному турку. Поспешно пожав руку человеку с квадратным подбородком, продолжавшему нахально улыбаться, он скрылся вместе с ним в строительном вагончике.

– Обращается с нами, будто мы нищие попрошайки, – сердито проворчал, качая головой, Муслетдин. – Цедит нам по сотке, и за каждую ему в задницу лезть приходится. Ишак он, а не мусульманин! Продался американцам. Истинную веру забыл. Ислам и единоверцы для него пустой звук!

Мурад философски отмалчивался, предоставляя своему хозяину выплеснуть свое раздражение.

Муслетдин направился к припаркованной возле ворот стройплощадки серой «девятке». Пospешив вперед, Мурад открыл ключом переднюю дверцу справа, распахнул ее перед толстым татаринoм, подождaл, покa тот влезет внутрь этой не слишком просторной для столь пузатых людей машины. Сам Мурад уселся за руль.

– Погоди, – коротко проговорил Муслетдин, видя, что тот уже вставил ключ в замок зажигания. – Постоим здесь немного.

Мурад послушно оставил ключ в замке, посмотрел на старого татарина вопросительно.

– Ты видел? – негромко проговорил Муслетдин. – Наш Абу Али чем-то определенно взволнован.

– Наверное, какое-нибудь левое дело, – спокойно отозвался Мурад. – В принципе, надо бы проследить.

– Ты видел, как он постарался от нас отвязаться, когда увидел того моряка возле своего вагончика? – спросил Муслетдин. – И даже денег нам дал, хотя, мне кажется, поначалу этого делать не собирался. В прошлый раз Нурлан подъезжал к нему за пожертвованиями, так Абу Али не только ничего не дал, но чуть со стройки его не вышвырнул. Это же не просто так!

– Этого славянского моряка я у него не в первый раз вижу, – проговорил Мурад. – И всякий раз Абу Али к нему очень внимателен.

– Все это очень странно, – согласился Муслетдин. – Ничего, у нас время пока есть. Постоим здесь, у ворот, подождем. Посмотрим, чем это дело кончится.

Мурад кивнул в ответ. Положив руки на руль и расслабившись, он приготовился ждать выхода славянского моряка из вагончика столько, сколько потребуется.

Глава 5

– Сережка, в расписании написано, что ближайший катер до Графской пристани будет только через час.

Полундра коротко глянул на свою жену, вернувшуюся от кассы, где она изучала расписание курсирования катеров по севастопольской бухте, спокойно кивнул.

– Ничего, подождем, – отозвался он.

После посещения кладбища старлей Павлов выглядел еще более сумрачным, притихшим. Его жена знала, что посещение подобных мест способно надолго омрачить настроение Сергея, он становился молчаливым, замкнутым, казалось, что обменяться парой фраз с кем-либо составляет трудность для него, будто черная пелена окутывала его душу. Поэтому Наташа в свою очередь отмалчивалась, стараясь не усугублять тяжелых переживаний мужа. Зато маленький Андрюшка не замечал ничего этого. Он, как на стуле, восседал на богатырских плечах своего отца и с высоты смотрел на открывавшиеся его взору картины лучезарного южного моря.

В это время у причала Северной стороны находился только один катер. Люди не спеша поднимались по трапу на его борт, стоящий у трапа матрос проверял билеты.

– Слышишь, Сережка, а этот катер куда идет? – спросила Наташа.

– Не знаю, – ответил Полундра. – Ты ж расписание смотрела.

В это время громкоговоритель на причале издал мелодичные позывные, и голос диктора объявил: «У первого причала производится посадка на катер, следующий по маршруту „Северная сторона – Балаклава“, время отправления катера двенадцать часов тридцать минут».

Наташа заметила, что при слове «Балаклава» глаза ее мужа заблестели.

– Слышал, Сережка? – сказала она. – До Балаклавы. Это там, где ты учился, да?

– Конечно. – Полундра кивнул. Вдруг его лицо оживилось, он бережно взял жену за руку. – Слушай, Наташа! А может быть, махнем сейчас в Балаклаву, а? На катере это всего минут сорок. Посмотрим городок. Я тебе покажу здание бывшей нашей учебки, казармы, где мы жили.

При этих словах лицо белокурой красавицы жены заметно вытянулось.

– Сережка! – В голосе ее послышался упрек. – Но мы же так опоздаем к обеду в санатории!

– К черту его, этот обед в санатории! В Балаклаве полно всяких кафе, мы сможем перекусить там.

Наташа продолжала смотреть на своего мужа озадаченно и испуганно.

– Послушай, может быть, завтра с утра туда съездим? – предложила она. – У нас с тобой же еще больше месяца отпуска! Успеем везде побывать.

– А сегодня что делать? – нетерпеливо возразил Полундра. – Сидеть в санатории и смотреть на море вдали?

– Мы собирались пойти на пляж, – робко напомнила Наташа.

– Завтра пойдем на пляж! – горячо возразил Полундра. – Или искупаемся в море прямо в Балаклаве. Там, знаешь, какие пляжи!..

– Но Сережка! – В голосе жены послышалось отчаяние. – Ведь Андрюшке давно есть пора! И его от этой поездки на катере может укачать.

– Моего сына? От поездки на этой посудине в тихую погоду укачает? Да ни в жисть! – Полундра выглядел оскорбленным. – Потомственных моряков-североморцев так просто не укачивает! Понятно тебе?

Полундра с маленьким сыном на плечах уже направился к кассе покупать билеты. Наталья смотрела ему вслед. Умом она понимала, что мужа все равно теперь не удержать, что, откажись она ехать сейчас с ним, он, чего доброго, махнет в Балаклаву один. И вроде бы ей следовало радоваться, что черное после посещения кладбища настроение ее мужа прошло и он снова оживился. И конечно же, пропустить обед в санатории – пустяк, недостаточно серьезная причина для того, чтобы отказываться от этой поездки. Однако Наталья ничего не могла поделать с собой. Ей упорно не хотелось ехать в этот небольшой приморский городок, но почему – этого она сама не смогла бы объяснить.

Глава 6

Хотя работы по реконструкции гостиничного комплекса на проспекте Нахимова выполнялись американо-турецким консорциумом, вид у строительного вагончика, который служил совещательной комнатой и кабинетом прорабов на стройплощадке, был что снаружи, что изнутри откровенно «совковый», облезлый, драный. Крашенные синей краской еще в советские времена полы и стены давно облупились, все кругом было заляпано цементом и известкой, замусорено окурками, щепками, кусками разноцветной грязи и покрыто слоем противной едкой пыли, свойственной именно строительным объектам. Небольшая железная печка в углу, холодная по причине летней жары, была ржавой и закопченной, укрепленная под самым потолком лампочка, заляпанная мухами, освещала пространство вагончика тусклым желтым светом, горевшим даже в середине дня, потому что в единственном крохотном окошке стекло было столь мутным и грязным, что не пропускало света.

Посреди вагончика стоял старый, обшарпанный письменный стол, заваленный какими-то замызганными бумагами. Однако сидевший за этим столом Абу Али, казалось, не замечал всей этой малопривлекательной обстановки. Еще меньше обращал внимание на нее сидевший напротив него отставной моряк с квадратным подбородком и едва заметными шрамами на шее. Нахальная, немного циничная ухмылка продолжала играть на его губах, сделавшись, пожалуй, лишь несколько более натянутой и искусственной.

– Однако ты получил аванс, – веско проговорил Абу Али, нервно барабанив смуглыми холеными пальцами по крышке грязного стола. – Вовсе не маленькие деньги. Аванс этот изволь отработать.

– Ничего не получается, – продолжая улыбаться, ответил его собеседник. – Слишком сложная задача.

– Это меня не интересует! – несколько повысил голос Абу Али. – Ты знал, на что идешь.

– Это работа для настоящего профи!

– Ты разве не профи?

– Но уже трое не вернулись из этого подземелья! Я не хочу быть четвертым.

– Однако хочешь получить деньги за работу. – Абу Али спокойно кивнул. – И это правильно.

Солидный турок умолк, озабоченно нахмурившись и продолжая машинально барабанивать пальцами по грязной крышке стола. Мореман напротив него продолжал натянуто улыбаться, хотя его улыбка все больше напоминала гримасу отчаяния.

– Выяснил, почему не возвращаются водолазы? – спросил Абу Али как бы между прочим.

– Да как же я выясню? Это же надо самому туда лезть, смотреть.

– Так слазь и посмотри!

– И остаться там навсегда? Нет уж, спасибо! – нервно воскликнул мореман. – Те, кто остались там, наверняка хотели вернуться обратно, однако вот не смогли! Перед смертью они, конечно, узнали, что их погубило...

– И что это может быть?

Бывший моряк немного помедлил с ответом.

– Скорее всего, там система автоматических шлюзов-ловушек, работающих от фотоэлементов. Такие иногда ставили на секретных заводах в советские времена.

– На нашем плане никаких шлюзов в том районе не указано! – возразил сердито Абу Али.

– Разумеется! На то это и ловушка, чтобы быть засекреченной. Чтобы про нее не мог узнать кто попало.

– Тогда нам надо достать план, где все шлюзы-ловушки указаны!

– Попробуйте, – пожал плечами отставной моряк. – Такой план может иметься только в единственном экземпляре и храниться где-нибудь в секретном архиве Министерства обороны России, завод-то принадлежал именно ему. Если этот план вообще существует.

– Надо постараться достать его в ближайшие дни! – невозмутимо сказал Абу Али. – У тебя есть знакомые в Министерстве обороны России?

– В контрразведке при Генштабе? – Мореман ухмыльнулся. – Шутите, гражданин начальник!

Абу Али промолчал, продолжая сердито барабанить пальцами по крышке стола.

– И потом, – продолжал моряк, – знать, где находится ловушка, – это только полдела. Самое главное – это выяснить, как нейтрализовать ее! А этого даже на секретном плане может не быть.

– Глупость какая-то, – вполголоса проговорил Абу Али. – Завод уже столько лет заброшен, никто там не появляется, за оборудованием не следит. А автоматические ловушки работают, как новые. Такое тебе не кажется странным?

– Нет! – Моряк пожал плечами. – В советские времена секретные объекты всегда строили надежно, на века.

Абу Али коротко вздохнул, потом сказал твердо:

– Ладно! Я тебе уже говорил, что меня все эти подробности не интересуют. Мне нужна выполненная работа! За это тебе уже выплачена часть денег. Где же твоя работа?

– Я стараюсь, как могу! – возразил моряк.

– Плохо стараешься!

– Как получается!

– Послушай, морячок! – Внезапно Абу Али впился взглядом в сидящего напротив него отставного моряка. – Если ты эту работу не выполнишь... – Голос турка звучал вкрадчиво, но зловеще. – Ты понимаешь, что с тобой тогда случится?

– Понимаю!

– Сольем, куда следует. Вот и все!

Абу Али откинулся на спинку стула, не сводя своих пронзительных черных глаз с собеседника.

– Вообще-то время пока терпит, – осторожно возразил тот.

– Как сказать, – глянув на настольный календарь, турок пожал плечами. – Сегодня у нас двадцатое августа. А нужная вещь должна быть у меня в руках не позднее первого сентября. Понял ты? Не позднее! Иначе...

– Иначе что?

– Иначе нас всех на части разорвут, – ответил он озабоченно. – И меня в том числе! Там люди серьезные...

Внезапный стук в дверь заставил Абу Али вздрогнуть, посмотреть на своего собеседника чуть ли не испуганно.

– Нет, люди вашей специальности нам на стройке пока не нужны! – сказал он громко и отчетливо. И только после этого бросил в сторону двери: – Да, войдите.

Вошедший мужчина лет тридцати пяти отличался флотской выправкой и богатырским телосложением. В нем без труда можно было узнать шофера, который сидел за рулем припаркованного у ворот стройплощадки белого «Лексуса».

– Понятно вам? – как бы не замечая вошедшего, продолжал Абу Али. – Сейчас у нас цикл отделочных работ фасада здания, тут каменщики, сами понимаете, совершенно ни к чему... Чего тебе, Алексей? – внезапно оборвал сам себя турок, оборачиваясь и с досадой глядя на своего водителя.

Не обращая никакого внимания на посетителя, тот подошел к сидевшему за столом турку.

– Простите, что мешаю, хозяин. Вы просили меня зайти в это время, напомнить...

– Да. Поехали. – Абу Али торопливо встал, взял со стола небольшую кожаную сумку-карман на ремешке. В последний раз повернулся к также поднявшемуся со своего места отставному мореману. – А вы зайдите денька через три или четыре. Может быть, подыщется для вас какая-нибудь подходящая работа.

В «Лексусе» Абу Али уселся на заднее сиденье, подальше от посторонних глаз. Сказал коротко:

– Обедать.

Его водитель по имени Алексей кивнул, но, прежде чем завести мотор, указал глазами в сторону серой «девятки», скромно припаркованной неподалеку от въезда на стройплощадку.

– Те люди, что беседовали с вами, – негромко сказал он, – после разговора сели в свою машину, но никуда не поехали. Так и стоят здесь до сих пор.

В этот момент «девятка», взревев мотором, резко сорвалась с места, выехала на дорогу и вскоре скрылась в потоке машин на Нахимовском проспекте.

Абу Али, не глядя на них, с досадой поморщился.

– Чертовы попрошайки, – пробормотал он себе по нос. – Надоели до предела.

– Выпасают вас, хозяин, – заметил Алексей, заводя тем временем мотор. – Так что будьте осторожны! Этот Муслетдин – глава местной татарской общины. Не смотрите, что он с виду божий одуванчик. На самом деле это весьма скользкий тип.

Абу Али рассеянно выслушал предостережение своего шофера и только кивнул в знак того, что принял его к сведению.

«Лексус» в свою очередь выбрался на проспект Нахимова, но проехал недалеко, остановился у дорогого и престижного ресторана, расположенного также в центре Севастополя при одной из городских гостиниц. Выбравшись из машины, Абу Али снова на мгновение просунул голову в салон.

– Все, на сегодня свободен, – сказал он. – За мной не заезжай, я вернусь на такси. Завтра утром заедешь за мной домой как обычно.

– Все понял, хозяин, будет сделано! – с готовностью ответил Алексей.

Повернувшись, солидный турок уверенным шагом направился к ресторану, и поэтому он не мог видеть, каким иронически-презрительным взглядом смотрит вслед его водитель.

Глава 7

Пролив, соединяющий Балаклавскую бухту с открытым морем, узок и извилист, высокие и отвесные, точно стены, скалы из розового гранита вздымаются из воды, словно возведенные руками каких-то фантастических гигантов. Проплывающий по проливу рейсовый теплоход так близко подбирается к изрезанной дождями и непогодой скале, что кажется, будто можно дотронуться до нее рукой. В такую самой природой защищенную со всех сторон бухту практически невозможно проникнуть постороннему судну незамеченным. Потому-то именно в Балаклаве была создана одна из секретнейших баз Краснознаменного Черноморского флота СССР, включавшая в числе прочего учебку, элитную спецшколу, где готовили бойцов морского спецназа, боевых пловцов, и где до последнего времени дислоцировалась 17-я отдельная бригада Военно-морского флота России, являвшаяся головным боевым соединением среди аналогичных частей.

Теплоход, на котором вместе с женой и сыном находился Полундра, миновал высокие и крутые скалы, обрамлявшие проход в бухту, и выбрался на довольно широкую ее часть, откуда открывалась панорама небольшого приморского городка. Стоя на палубе рейсового катера, североморец с нескрываемым радостным волнением вглядывался в открывающиеся его взору очертания Балаклавской бухты, самой Балаклавы, где прошла его юность, трудные и напряженные, но такие прекрасные годы.

– А здесь и не изменилось ничего! – с чуточку грустной улыбкой проговорил Полундра. – Все в точности так же, как и шесть лет назад, когда я был здесь в последний раз.

– Однако как это живописно! – воскликнула, разделяя восторг своего мужа, Наташа. – Не городок, а картинка.

Балаклава и в самом деле утопала в зелени. Дома, казавшиеся все сплошь старинной постройки, были небольшими. Они словно выглядывали из-за крон раскидистых деревьев. Совсем близко к берегу подступали зеленые, сплошь поросшие лесом горы, и приморский городок упорно карабкался на их склоны, прячась за деревья, и то там, то здесь подставляя жаркому южному солнцу желтые и белые стены своих домов.

– Значит, Сережка, это и есть Балаклава? – спросила Наташа, снизу вверх заглядывая в глаза мужу.

– Она самая, – был ответ. – Вон, смотри!

Он указал на бухту. Вода в ней струилась слабым прибрежным течением, серебрилась ослепительными бликами под лучами яркого южного солнца. Вправо от наиболее широкой части бухты уходил глубоко врезавшийся в берег узкий заливчик, или лиман, как называли его местные жители. Катер, заметно сбавив ход, заворачивал туда, в этот лиман, потому что именно там находился причал.

– Ой, Сережка, а это что?

Часть берега бухты, что оставалась слева по борту катера, казалась такой удобной для того, чтобы там устроить причал. Однако в этом месте метрах в двухстах от берега на воде выстроилась цепочка оранжево-красных буйев с натянутой на них цепью, за ними вслед из воды торчали какие-то колья непонятного предназначения, а на самой гранитной скале, с которой начинался сам берег, висел огромный плакат, предупреждавший, что заплывать в этом месте за буи на любом виде плав-средств категорически запрещается.

– Что это такое, Сережка? – спросила Наталья, указывая на буи и предупреждающую надпись. – Почему нельзя подплывать к тому берегу?

– Потому что в этом месте находятся подводные шлюзы, – ответил Полундра. – Ворота, через которые внутрь дока заходят подводные лодки.

– Тут у них база? – поинтересовалась Наталья. – Как у нас в Ведяеве?

– Не база, а ремонтный завод, – ответил североморец. – Был раньше, во всяком случае. Один черт знает, что там устроили сейчас.

– Там подводные лодки ремонтировали?... И атомные в том числе?

– Не атомные, нет. Только дизельные. Атомного подводного флота никогда не было у СССР на Черном море, такие лодки Турция все равно не пропускала через свои проливы Босфор и Дарданеллы. Так что им некуда было плавать. А сейчас, я не знаю, может быть, даже и дизельных не осталось. Развалили флот совсем! – добавил североморец уныло.

Их катер тем временем сбавил ход до малого, пробираясь по узкому заливчику-лиману, готовясь пришвартоваться. Берега теперь выглядели ровными и аккуратными, рука строителя одела их в гранит, такой же светло-розовый, как и скалы вокруг. Небольшие старинного вида дома выстроились рядом на самой набережной, среди которых выделялось небольшое трехэтажное здание слева. Огромная, во весь третий этаж, вывеска извещала о том, что в этом доме находится «London-hotel».

– Слышишь, Сережка, – проговорила Наталья, показывая на это здание. – А это что, правда гостиница?

– Разумеется. И довольно комфортабельная, прямо на столичном уровне.

– А почему она называется «Лондонский отель»?

– Не знаю. – Полундра пожал плечами. – Какая-то местная хохма, наверное.

В этот момент катер швартовался к балаклавскому причалу, и другой матрос, но одетый точно так же, в джинсы и полосатый тельник, ловко спрыгнул на дебаркадер, чтобы намотать швартовы на тяжелые, вмурованные в бетон набережной чугунные кнехты. Пропуская Наташу впереди себя, Полундра с маленьким сыном на плечах направился к перекинутому на берег трапу, готовясь ступить на твердую землю.

Городок Балаклава и с берега казался словно сохранившимся в неприкосновенности местом из другого мира. Город был застроен небольшими примерно одинаковыми домами сталинского типа, узкие, но очень тенистые и тихие улочки с упорством лезли вверх, на горы, прижимающие городок к морю. Большая часть Балаклавы оказалась огорожена высокими кирпичными заборами с витками колючей проволоки на верхушках стен. На воротах, которые вели за эти заборы, видны были красные звезды и желтые якоря. За этими заборами помещались казармы дислоцированных в Балаклаве воинских частей и корпуса военного училища. Мимо одного такого забора и шли теперь Полундра и его жена.

– Это здесь ты учился и служил, да, Сережка?

Наталья спросила это, только чтобы прервать начавшее ее тяготить молчание мужа. В душе ее зародилась и крепла странная, непонятно откуда берущаяся тревога, с которой она не знала, как справиться.

– Ну, казармы нашей учебки находились вон там, ближе к горам. – Полундра махнул рукой куда-то неопределенно вперед. – А тут находился штаб и казармы 17-й бригады. Даже не знаю, что здесь теперь.

Полундра умолк, нервно оглянулся назад. У него вдруг возникло странное, неприятное ощущение, что кто-то неотступно следует за ними от самого причала. Но позади них улица в этот самый жаркий час дня была совершенно пустынна, только какой-то прохожий торопливо свернул в крохотную боковую улочку. Не увидев ничего примечательного, Полундра продолжил свой путь.

– Ну что, пойдём поищем какое-нибудь кафе? – спросил он у жены. – Андрюха! – крикнул североморец вверх своему сыну. – Ты как, еще не устал от путешествия?

– Не-ет! – раздалось оттуда уверенно и блаженно.

– Ну вот, видишь! А мама твоя боялась, что тебя укачает!

Неожиданно шедший им навстречу морской офицер с погонами капитана второго ранга остановился и воскликнул радостно:

– Курсант Сергей Павлов? Здорово! Рад тебя видеть. Ты как здесь очутился?

– Вот, отдохнуть приехал. Здравия желаю, товарищ кавторанг!

– Это твой такой? – Он кивнул на сидящего на плечах у папы Андрюшку. – Ну, ты молодец! Давай-давай... Желаю хорошо отдохнуть.

Капитан второго ранга кивнул, протянул североморцу руку, после чего пошел своей дорогой. А Полундра с женой и сыном направился дальше по узкой улице, которая теперь круто уходила вверх, в гору.

– У тебя здесь, как я вижу, полно знакомых? – поинтересовалась на ходу Наташа.

– Ну да, почему нет... У настоящего моряка в каждом порту куча друзей. Впрочем, это не друг, а один из моих прежних преподавателей в учебке. Удивительно, что он до сих пор меня помнит.

Полундра умолк и снова нервно оглянулся назад. На улице по-прежнему никого не было, за исключением какого-то мужчины, переходившего ее в этот момент и направлявшегося в противоположную от них сторону.

– Что ты все время оборачиваешься? – неожиданно спросила его Наташа. – Думаешь, за нами кто-то следит?

– Да нет. – Полундра пожал плечами. – Что за бред... Кому мы с тобой здесь нужны!

Наташа кивнула, ничего не сказала в ответ. Однако тревожное чувство у нее только возросло от этого делано беспечного уверения мужа.

Улица тем временем вывела их на небольшую площадь, включающую тенистый уютный скверик, под деревьями которого располагалось со своими полосатыми матерчатыми навесами-«грибами» уличное кафе, практически пустынное в этот час дня.

– Вон, пошли посидим там, – кивая на кафе, предложил Сергей Павлов. – А то ты, наверное, уже устала ходить сегодня. Там и поесть что-нибудь найдется.

Наташа послушно кивнула и направилась вслед за мужем под сень раскидистых тутовых деревьев, где стояли столики кафе.

Однако в смысле еды кафе оказалось весьма бедным. Немолодая уже продавщица, мирно дремавшая за витриной, посмотрела на посетителей довольно неприветливо и объявила, что из съестного имеется только пара видов пирожных, булочки с маком да бутерброды с ветчиной. Зато великолепный набор хороших крымских вин и привозного пива. Наталья была в отчаянии: обед в санатории они теперь несомненно пропустили, а здесь, в этом дурацком кафе, кормить ребенка было совершенно нечем.

Полундра заказал по паре пирожных каждому, булочку с маком Андрюшке, большую бутылку пепси-колы, а себе пива. После того как продавщица кафе выложила все это на прилавок, он расплатился, вместе с женой перенес заказ на один из столиков, выбрав такой, где тень от тутовых деревьев была погуще.

Усевшись за столик и принявшись за пиво, Полундра машинально посмотрел в сторону прилавка кафе. Там в это время объявился еще один посетитель. Взяв себе бутылку пива, он уселся с ней за один из столиков за спиной североморца. Все происходящее было совершенно обыденно, и Полундра никак не мог взять в толк, откуда берется у него это растущее беспокойство и ощущение, будто кто-то следит за ним.

Павлов и его семья ели молча и торопливо, утомленные жарой и долгой ходьбой по городку. Они были очень озадачены, когда внезапно продавщица кафе появилась возле их столика с подносом, на котором в окружении набора из ярких южных фруктов стояла непечатая бутылка дорогого коньяка с шикарной этикеткой.

– А мы этого не заказывали! – удивленно рассматривая поднос, воскликнула Наташа.

Но продавщица, теперь больше не сонная, а приветливо улыбающаяся посетителям, невозмутимо стала составлять бутылку и фрукты с подноса к ним на стол.

– А это вам подарок, – улыбаясь, заявила она. – Вон с того столика.

Она указала на дальний столик кафе, где под матерчатым «грибком»-навесом на фоне залива виднелся рельефный силуэт одиноко сидевшего и тянувшего пиво мужчины.

– Сережка, кто это? – растерянно и с какой-то тревогой в голосе спросила Наташа. – Ты его знаешь?

Полундра тщетно вглядывался в силуэт сидящего к ним спиной мужчины и при всем желании не мог решить, знаком он с этим дарителем или нет.

– Ну что же, надо подойти посмотреть.

Полундра уже встал со своего места, но Наталья неожиданно ухватила его за руку.

– Стой, не ходи! – торопливо воскликнула она. – Бог с ней, с этой бутылкой, и с ее дарителем тоже!

– Подожди, Наташа! Может быть, это какой-нибудь мой старый приятель, – попытался успокоить жену Сергей Павлов.

– У тебя в каждом приморском городе приятели и собутыльники! Везде кто-нибудь подворачивается.

– Конечно! На то я и офицер флотского спецназа, чтобы у меня во всех портах друзья были! – невозмутимо возразил Полундра. – Я пойду.

– Ну куда ты? – с тихим вздохом воскликнула Наталья. – Опять приключения накличешь на свою голову!

– Да какие приключения! Я вообще в отпуске!

Оставшись за столиком с сыном, Наталья видела, как ее муж подошел к столику, где сидел подаривший коньяк мужчина, тронул его за плечо, но тут же отступил на шаг назад, и крайнее изумление отразилось на его лице.

Глава 8

Войдя в ресторан, Абу Али вовсе не стал садиться за столик и заказывать себе обед. Вместо этого он направился напрямик к стойке бара, уселся там на длинный круглый стул, заказал чашку черного кофе с коньяком. Прихлебывая горячий напиток, солидный турок будто машинально, от нечего делать глядел по сторонам, на немногочисленную в этот ранний для ресторана час публику. При этом рука его, держащая чашку, немного подрагивала.

Выпив свой кофе, Абу Али поставил пустую чашку обратно на стойку и незаметно кивнул метрдотелю, стоявшему неподалеку в величественной позе. Ему в руку солидный турок вложил купюру в десять долларов. Седой, благообразного вида служитель ресторана важно поклонился, принимая деньги, после чего, не говоря ни слова, повел Абу Али к некоей незаметной для посторонних глаз служебной двери возле самого входа на кухню. По узкой служебной лестнице проводил его наверх, в расположенный здесь номер люкс, почтительно поклонившись, открыл перед Абу Али дверь, вручил ключ и только после этого, так и не сказав ни слова, не спеша удалился.

Торопливо заперев за собой дверь, важный турок бросился в основные апартаменты номера. Большую часть пространства шикарно обставленной комнаты занимала огромная, точно рассчитанная на пятерых кровать.

На этой кровати лежал обнаженный юноша. Судя по оливково-смуглому цвету его кожи, черным как смоль бровям и особенностям черт лица, это был настоящий этнический татарин со всеми характернейшими признаками его нации. На вид ему было едва ли больше шестнадцати лет. Он был как раз в том возрасте, когда юношеское тело своими нежными очертаниями более всего похоже на женское, практически неотлично от него, если бы только не гениталии. Обнаженный юноша лежал на широкой, как футбольное поле, кровати в изнеженной, расслабленной и в то же время вызывающей позе. При появлении Абу Али он томно поднял на вошедшего свои полузакрытые глаза и тихо вздохнул.

Казалось, Абу Али совершенно ошалел от одного вида обнаженного юноши. Он замер на пороге комнаты, прислонился к косяку и некоторое время стоял, как приросший, и только смотрел на раскинувшегося на кровати подростка. В конце концов глаза его зажглись диким огнем, он побагровел, на лбу надулись жилы и выступил мелким бисером пот. Трясущимися от похотливого нетерпения руками Абу Али стал снимать с себя одежду – расстегивать брюки, стягивать рубашку, торопливо рвал не желающие отстегиваться пуговицы. Лежащий на кровати обнаженный татарчонок внимательно следил за ним из-под своих томно полузакрытых век.

Глава 9

– Наташка, вот познакомься, это Алексей Дорофеев, мой давний сослуживец.

Загадочный мужчина из-за дальнего столика стоял теперь перед Натальей Павловой вместе с ее мужем и любезно улыбался. Из вежливости Наташа поднялась ему навстречу, подала руку. Алексей, водитель Абу Али, бережно взял ее в свою ручищу и осторожно пожал. После этого они втроем уселись за стол.

– Наташа, – первым заговорил Полундра. – Я разве тебе никогда не рассказывал об Алешке Дорофееве, капитан-лейтенанте? Он служил командиром учебного корабля здесь, в Балаклаве, как раз когда я тут учился.

– Что-то не припомню, – ответила Наталья. Она сама не знала, почему именно, но этот старый знакомый ее мужа определенно не нравился ей.

– Ну да, – согласился Полундра. – Я тебе вообще про те времена мало рассказывал. Не до того было.

Некоторое время царило неловкое молчание. Дорофеев, сидящий напротив жены Полундры, продолжал вежливо улыбаться.

– А я тебя еще на катере заметил, – заговорил он, поглядывая то на старлея, то на его жену. – Смотрю и глазам своим не верю. Неужели ты?

– Я, как видишь, – улыбнулся Полундра.

– Как же ты здесь очутился? Я же помню, что тебя на Северный флот перевели.

– Правильно. – Полундра кивнул. – На Северном флоте я теперь и служу. Сюда вот приехал отдохнуть в санатории, по путевке.

– Надолго?

– На сорок пять суток. Сегодня вот, считай, второй день.

– Второй? – задумчиво глядя на Сергея Павлова, переспросил Дорофеев. – Это хорошо, что второй...

Дорофеев сосредоточенно помолчал, потом потянулся к бутылке коньяка, которую он подарил. Откупорил ее, разлил понемногу в три пластиковых стакана.

– Ну что, Серега? – сказал он, поднимая свой стаканчик. – Давай за встречу!

Они сдвинули стаканы. Наташа лишь чуть пригубила коньяк, в то время как Полундра осушил свой стакан до дна. Вдруг он заметил, что коньяк в стакане его бывшего сослуживца остался практически нетронутым.

– Извини, Серега, я сейчас не могу пить всерьез. Я за рулем, – улыбнувшись, пояснил Дорофеев. – Вон, видишь, белый «Лексус» у входа в кафе стоит?

– Ну да, – ответил Полундра. – Крутая машина, ничего себе.

– Вот именно, что крутая, – с усмешкой согласился Дорофеев. – Если с этой машиной что-нибудь случится, хозяин мне за нее голову оторвет!

– Хозяин? – удивленно и разочарованно переспросил Полундра. – А я-то подумал, что это ты сам так шикарно жить стал!..

– Да как же, расшикуешься здесь! – невесело улыбаясь, отозвался Дорофеев. – На флотское денежное довольствие. Вот только теперь немного и зажил по-нормальному, чтобы хотя бы другу бутылку коньяка не из последних грошей покупать.

– Так ты что же, товарищ каплей, значит, уволился из флота? – спросил Полундра.

– Как видишь! – Дорофеев продолжал горько улыбаться. – Сам понимаешь, Черноморский флот России постепенно сокращается, ремонтные мощности теперь слабые, после раздела почти все они Украине достались. Новые суда не сдаются.

– Да, я в курсе, – сказал Полундра печально.

– Вот и учебку нашу закрыли, – продолжал Дорофеев. – Нашу балаклавскую учебку, которая была единственным местом в России, где готовили бойцов морского спецназа, боевых пловцов!

– Да, я знаю, – сумрачно сказал Полундра. – У меня самого от этого душа болит. А помнишь, Алексей, какие у нас там командиры были? Помнишь каперанга Рябина, командира нашего ракетного крейсера, на который я после окончания учебки служить поступил? Он еще геройски погиб во время пожара на крейсере...

При упоминании каперанга Рябина Дорофеев неожиданно нахмурился, сухо кивнул Полундре.

– Помню, конечно, – ответил он неохотно. – Как такое забыть можно...

Однако североморец по-своему истолковал изменение настроения собеседника.

– Ну да, это печальная история, – сказал Полундра, понижая голос. – Однако мне она часто на ум приходит. Представляешь, наш командир матросику-срочнику жизнь спас, а сам погиб, сгорел заживо. Я все про себя думаю, а смог бы я вот так? Не испугался бы в последний момент?

– Ну, кто же это знает? – неопределенно пожав плечами, отозвался Дорофеев. Он взял с тарелки яблоко и стал с равнодушной миной жевать его.

– А я вот с Наташкой и сыном сегодня на кладбище, на Северной стороне побывал, – продолжал Полундра. – Могилу его показал моим, чтобы помнили. Цветы ему принес, помянул его, все как полагается.

– Это правильно, – продолжая невозмутимо жевать, отозвался Дорофеев.

Полундра умолк. Молчание его бывшего командира и друга несколько озадачивало старлея, равно как и равнодушие, с каким тот относится к памяти доблестного каперанга.

– А ты, значит, службу бросил, – снова заговорил Полундра. – Не нравится тебе служить на военном флоте?..

– А ты сам посуди, – отозвался тот. – Ну что мне на флоте теперь делать? Кого учить, где служить? Российский флот больше чем наполовину сократили. Украине я тоже на хрен не нужен, там у них строго с национальной принадлежностью, берут только этнических украинцев. Потому я и подался на берег.

– Какого-то фирмача возить? – Полундра невесело покачал головой. – Если не секрет, кто ж тебе такую протекцию составил?

Дорофеев помедлил с ответом.

– Кто составил, оно как бы и не так уж важно теперь, – сказал он. – При желании всегда можно устроиться. Ты сам посуди, что мне еще оставалось делать? С голоду подыхать, что ли? Нищим на угол становиться на Северной стороне у ворот Мемориального кладбища? Или фруктами торговать на рынке? – Дорофеев презрительно сплюнул в сторону. – Если государство обо мне не заботится, значит, я должен позаботиться о себе сам!..

Он безнадежно махнул рукой, налил Полундре еще коньяка в пластиковый стаканчик.

– Давай еще по одной, – сказал Дорофеев, поднимая свой стакан. – За тех, кто в море.

Полундра снова проглотил свой коньяк, стал зажевывать его ломтиком лимона. Дорофеев, так же как и Наташка, поставил свой стаканчик с коньяком на стол нетронутым.

– Ну и как? – немного помолчав, спросил своего бывшего командира Полундра. – Работой у своего фирмача доволен? Или ты у него, как мальчик на побегушках?

– Как бы не так! Мальчик на побегушках. – Дорофеев рассмеялся. – Времени, конечно, уходит много. С утра хозяина на стройку отвези. Потом весь день стой у ворот стройплощадки, его дожидайся, потому что ему в любой момент может понадобится куда-то поехать. А вот после работы, часов с четырех или пяти, наоборот, полная свобода! Машина целиком в моем распоряжении: куда хочу, туда и еду, кого хочу, того в нее и сажаю.

– Круто!

– А то! – Дорофеев, довольный, усмехнулся. – Конечно, я сам как бы за нее отвечаю. Должен о ней заботиться, текущий ремонт, профилактика, техосмотры и все такое.

– И сколько тебе твой хозяин платит? – поинтересовался Полундра.

– Достаточно, – уклончиво ответил его бывший командир. – В принципе, на жизнь в Крыму хватает. Даже домик себе ухитрился построить. Не самый шикарный, конечно, но жить можно!

Полундра молча кивнул. Упрямая складка залегла у него между бровями. Старлей сам не знал, почему, но похвальба его бывшего командира и друга очень не нравилась ему.

– Но что же я все о себе да о себе! – широко улыбнувшись, воскликнул Дорофеев, хлопая старого сослуживца по плечу. – Давай рассказывай, где ты, как, что. В звании тебя хоть там, на Северном флоте, повысили?

– Повысили, – нехотя ответил Полундра. – Я теперь старший лейтенант.

– Ну, это серьезно! – Дорофеев рассмеялся.

– Я командир группы боевых пловцов флота, – досадуя, что завел этот разговор, возразил Полундра. – Подчиняюсь непосредственно ГРУ.

– Командир боевых пловцов? – Дорофеев взглянул на своего собеседника заинтересованно. – Кстати! Я же помню, в учебке ты по погружениям был лучшим в группе. Как, сейчас это на Северном флоте востребовано?

– Еще как востребовано! – воскликнул Полундра, оживляясь. – То и дело черту в задницу лезть приходится. Такая служба.

– Опасная?

– Случается...

– У тебя, наверное, рекорд флота по погружениям, – смеясь, предположил Дорофеев. – Или, может быть, мировой рекорд?

Полундра посмотрел на своего собеседника серьезно и даже несколько озадаченно.

– Мирового нет, – ответил он неохотно. – А вот рекорд флота действительно имеется.

– Серьезно? – еще больше воодушевляясь, воскликнул Дорофеев. – Ну так за это надо выпить еще по одной!

Он налил в стаканчик Полундре еще коньяку. Однако Сергей глядел на своего бывшего командира строго и спокойно.

– За свой рекорд я пить не буду! – сказал он твердо. – Это примета скверная, за такое пить.

– Да ладно тебе!.. – воскликнул было Дорофеев, но Полундра смотрел на него сумрачно и серьезно.

– Если хочешь, Алексей, давай выпьем за Российский флот, за Андреевский стяг! – сказал североморец.

– Какой разговор! – весело воскликнул Дорофеев, чокаясь с Полундрой и его женой пластиковым стаканчиком. – Хрен с тобой, если ты такой политически сознательный. – Но, видя, как омрачилось лицо Полундры, тут же добавил: – Российский флот для нас для всех самое святое, самое главное в жизни! Верно, малыш?

Он повернулся к маленькому Андрюшке, сидевшему на высоком «взрослом» стуле и буквально извертевшемся на месте.

– Мама, я устал, я домой хочу! – сказал ребенок вместо ответа.

Он уже в который раз повторял эту просьбу, на что занятые беседой мужчины совершенно не обращали внимания. Его матери ничего не оставалось, как всякий раз просить маленького Андрюшку помолчать и не мешать взрослым дядям разговаривать. Она предлагала ему то булочку, то мороженое, однако ребенок, едва надкусив, тут же оставлял еду и продолжал капризничать.

– Рекорд флота – это круто, – продолжал Дорофеев, не замечая состояния маленького ребенка. – Водолазы такого уровня, как ты, Серега, повсюду нужны. При желании они всегда могут хорошие деньги заработать.

Дорофеев заметил, как упрямая складка снова залегла меж бровей старлея Павлова при этих его словах, однако продолжал:

– Ты же, Серега, знаешь, что такое Крым. Помнишь, в учебке нам объясняли, чем наспигованы все вот эти скалы. – Он показал вокруг, на начавшие отливать золотом в лучах заходящего солнца горы из нежно-розового, словно куски свежего мяса, гранита. – Главное – подъехать к нужному человеку, который все ходы и выходы знает. И можно заработать такие деньги, какие тебе на твоём флоте за двадцать лет службы не заработать!

Лицо старлея Павлова во время всей этой тирады оставалось невозмутимо спокойным и твердым.

– Я морской офицер, – сказал он строго. – Я свою службу Родине на левые дела не размениваю. И честь мундира буду беречь от позора.

– Да это все понятно! – с веселым смехом отозвался Дорофеев. – Но ведь одной честью мундира сыт не будешь, правильно? Давай, кстати сказать, за нее выпьем, за честь мундира.

Дорофеев снова налил коньяк в пластиковый стаканчик Полундры, тот поморщился, цинизм его бывшего командира казался ему крайне неприятным. Однако предложенный коньяк североморец выпил.

– Мама, я домой хочу! – тихо проговорил маленький Андрюшка. – Когда мы пойдем домой?

– Скоро, скоро пойдем. А сейчас сиди тихо, – вполголоса одернула его Наташа. – Не видишь, папа занят.

– А долго он еще будет занят? Я домой хочу, я устал.

– Тише! Не мешай папе!

Алексей Дорофеев, с усмешкой наблюдавший за этой сценой, одобрительно кивнул головой.

– Хорошая у тебя жена, Серега, – сказал он. – Тактичная, с пониманием. Мне бы вот такую же.

Полундра скроил недовольную гримасу, но промолчал.

– Жаль только, что посидеть по-хорошему не получается! – продолжал между тем Дорофеев. – Вы с ребенком, да и я за рулем.

– Мы приехали сюда не пьянствовать, а отдыхать, – возразила Наташа.

– А мы разве пьянствуем?

– А разве нет?

В ответ Дорофеев ослепительно улыбнулся.

– Извините, но вы не правы! – сказал он. – Вы поймите, Наташа, мы с Серегой, с вашим мужем, прослужили на флоте энное количество времени. Прошли с ним огонь и воду, медные трубы и чертовы зубы. Первое, второе и третье в самом буквальном смысле слова. И вот теперь мы встретились на берегу после такого перерыва. И что же, мы теперь посидеть по-мужски не имеем права?

– Нам давно пора возвращаться в санаторий, – сказала Наташа. – Мы обед пропустили, теперь хотя бы к ужину успеть.

– Так я вам о том и говорю! – радостно воскликнул Дорофеев. – Я же сейчас на машине, правильно? Ехать отсюда до вашего санатория, ну, с полчаса. Это самое большее. И вот, я вас отвожу в санаторий, там вы с маленьким остаетесь. А Серегу я забираю с собой! Как хотите, а встречу нам надо отметить по-настоящему, по-морскому!

– Да где вы будете отмечать? – недовольно воскликнула Наталья, чувствуя, как все прежние опасения и тревоги оживают в ее груди. – В притон какой-нибудь пойдете, последние деньги просадите. Еще что-нибудь случится там с вами.

– Да боже упаси! Какой притон? – рассмеялся Дорофеев. – Никуда, ни в какой притон мы с Серегой не пойдем! Только ко мне домой! У меня же домик тут неподалеку, два этажа, несколько комнат... А я в них один. Иногда бывает скучновато.

– Значит, семью надо заводить. Тогда вам в собственном доме не покажется скучно! – ответила белокурая жена Полундры.

– Тоже правильно! – усмехнулся Дорофеев. – Только ведь такую, как вы, еще повстречать надо. На каждом углу такие не стоят! – Дорофеев рассмеялся, Наталья недовольно поджала губы. – Вы как-нибудь тоже в этот мой домик заходите, посмотрите, – продолжал он невозмутимо и весело. – Непременно зайдите. Я вас приглашаю. Завтра, послезавтра – в любой день, когда захотите. Но сегодня мы пойдем туда только с Серегой! Мальчишник, так сказать. Я кое-кого из старых друзей приглашу, кого найду вот сейчас по телефону.

– В самом деле, Наташа. – Полундра глядел на жену просительно. – Я не могу отказаться, нехорошо получится. Алексей все-таки мой бывший командир, мы с ним столько времени не виделись.

Его жена молчала, сжав губы, не говорила ни да ни нет.

– Ладно, вы пока решайте, – весело заметил Дорофеев, оглядывая обоих супругов. – А мне надо позвонить. Предупрежу кое-кого из наших прежних сослуживцев. Приглашу их ко мне домой, скажу, что ты в городке объявился.

Он вытащил из кармана мобильный телефон, встал из-за стола, отошел к дальнему краю кафе и повернулся спиной. Того, что Дорофеев говорил по телефону, Сергею с Наташей решительно не было слышно.

– Ну что ты опять надулась? – извиняющимся тоном заговорил Полундра. – Понимаешь, я в этой ситуации просто должен согласиться. Грех нашу с Алешкой встречу как положено не отметить.

– Не нравится мне этот тип! – торопливо проговорила Наташа. – Сама не знаю, почему так, но не нравится.

Полундра посмотрел на жену удивленно.

– Да брось ты! Алешка – нормальный парень!..

Однако она только покачала головой, ничего не возразила более.

Алешка Дорофеев уже возвращался к ним, сияя своей ослепительной улыбкой.

– Все, договорился я с ребятами, обещали быть, – объявил он радостно. И тут же добавил, заметив печальное и напряженное лицо Наташи: – Да не пугайтесь вы! Мы много пить не будем! Мне завтра самому с утра на работу, да еще за рулем. Так что я по-любому должен быть как стеклышко. Серега переночует у меня, а наутро я его привезу в санаторий, доставлю в целости и сохранности. Честью клянусь!

Он подал руку Наталье, помогая ей встать из-за столика. Выражение ее лица ничуть не смягчилось, однако жена старлея Павлова понимала, что поделать уже ничего нельзя, ее Сережка в любом случае отправится со своим бывшим сослуживцем отмечать встречу, а ее протесты только вызовут у него раздражение и испортят настроение им обоим.

Глава 10

Глава татарской национальной общины в Крыму Муслетдин Аблабердыевич Киримханов, всеми своими домашними, близкими родственниками и друзьями именуемый просто Муслетдин, одетый в пестрый просторный халат и мягкие туфли, неторопливо прошелся по расстеленным на полу дорогим персидским коврам с затейливым рисунком, морща свой низенький смуглый лоб, рассеянно глядя себе под ноги.

Больше всего на свете он не любил современной европейской одежды. Она неприятно стесняла и сжимала его пухлое, с огромным животом, широкой отвислой задницей и толстыми руками и ногами тело, делая его внешне какой-то карикатурой на человека, чем быть особенно не хотелось в глазах подтянутых и спортивных американцев, с которыми ему так часто приходилось иметь дело. Зато, оказываясь дома, Муслетдин всегда расслаблялся, снимал ненавистные рубашку и брюки и менял их на старинное татарское одеяние – мягкие шелковые шаровары, просторный балахон, в которых он выглядел особенно предстательно в роскошных, на восточный манер убранных покоях своего большого, напоминающего дворец дома. Здесь он казался настоящим персидским шахом, умным, хитрым, властным и беспощадным. Именно таким, умным, властным и беспощадным, и был Муслетдин для своих подчиненных и домашних, знавших, что их господин может наградить за хорошо сделанную работу по-царски, но за малейший проступок может расправиться с истинно восточной жестокостью.

Муслетдин не спеша подошел к узкому окну в главных покоях своего дома, от нечего делать выглянул наружу. В большом доме с толстыми каменными стенами было прохладно и уютно, однако за его пределами буйствовало жаркое южное солнце, заливая небольшой, но очень чисто убранный дворик перед домом потоками ослепительного света. Из окна своего дома Муслетдин рассеянно смотрел на высившийся неподалеку остов строящейся новой мечети, высокую башню минарета которой собирали из больших бетонных колец, какие обычно используют при строительстве колодцев и прокладке огромных канализационных стоков. Глядя на высившуюся башню из канализационных колец, кое-как скрепленных цементом, Муслетдин с досадой поморщился.

Еще полбеда, что храм приходилось строить из такой дряни. Хуже всего то, что постройка из-за недостатка денег затягивалась, и все жители компактного татарского поселка под Инкерманом, где строилась эта мечеть и стоял дом самого Муслетдина, и все гости его уже успели вдоволь налюбоваться на эти бетонные кольца и обсудить это, и, быть может, в душе даже поиздеваться. Конечно, только в душе, ни в коем случае не вслух. Муслетдин знал, как заставить жителей подчиненной ему территории держать язык за зубами. Однако мыслить людям не запретишь. И видеть бетонные кольца канализационных труб вместо благородного кирпича или гранитных блоков, из которых приличествовало возводить храм, – тоже.

Проклятое безденежье!

Муслетдин при этой мысли со злостью дернул себя за край пухлого тройного подбородка, украшенного жиденькой растительностью, напоминавшей бороду старого козла. Эту свою бородку Муслетдин имел привычку теревить не только во время обязательных ежедневных молитв, но и в минуты тяжких размышлений.

«Проклятое безденежье!» – повторил он про себя. Нельзя сказать, чтобы члены общины ничего не жертвовали на строительство храма. Но деньги постоянно были нужны для чего-то другого – чтобы выстроить себе вот этот дом, например. Не мог же он, Муслетдин, жить в какой-то глиняной халупе, как последний нищий! К сожалению, много средств уходило и на более важные дела. Решать проблемы мирового ислама в Крыму было не только

хлопотно, но и дорого. Его руководители в богатых нефтью восточных странах требовали многого, однако искренне были убеждены, что деньги на все это он сможет без труда раздобыть сам. Стоило ему там заикнуться о недостатке средств для выполнения той или другой опасной миссии, ему тут же замечали, что он плохой мусульманин и не чтит заветов Аллаха.

Верный прием, Муслетдин и сам постоянно прибегал к нему, выманивая деньги у своих членов общины. Однако когда этот прием применяют к тебе самому, впечатление немножко другое. Тем более что денег ему действительно на все дела не хватало. Ведь средства общины небеспредельны. А удерживать людей в повиновении, безжалостно грабя их при этом, можно лишь до определенной грани, дальше они возмутятся и разорвут тебя в клочья.

Конечно, спонсоров, жертвователей на святые дела приходилось подыскивать. Занятие это далеко не приятное, а при властном характере Муслетдина просто оскорбительное. Он до сих пор мстительно сжимал кулаки и злобно скрежетал зубами, вспоминая, как в первый раз подъехал к этому турку, Абу Али, как попросил у него пожертвования и как получил решительный, короткий и вовсе даже не прикрытый вежливыми фразами отказ. Потом Муслетдину все-таки удавалось раскрутить богатого турка на какие-то деньги, но всякий раз пожертвование сопровождалось такими оскорбительными замечаниями...

Но ничего! Муслетдин не дурак и не размазня, он никогда не прощал нанесенных ему обид. А Абу Али еще ответит ему за это! Кидать ему, Муслетдину, как собаке обглоданную кость, какие-то жалкие сотни долларов, да и то только после того, как наговорит множество всяких оскорблений! Это ему даром не пройдет.

Внезапно в тишине покоя мелодично звякнул колокольчик. Обернувшись, Муслетдин увидел, как от ковра старинной работы, закрывающего вход в покой, отделился старый слуга и, низко склонившись и семеня ногами, приблизился к своему повелителю.

– Ну? – нетерпеливо спросил старый татарин, видя, что слуга явился с каким-то сообщением.

– Пришел Мурад, – тихо и вкрадчиво объявил слуга. – С ним мальчишка...

– Азамат?

Слуга молча поклонился до самого пола.

– Веди их сюда, дай туфли для гостей.

Слуга снова глубоко, до земли поклонился и, пятясь задом, удалился из покоев. Через некоторое время снова мелодично звякнул колокольчик, и перед Муслетдином предстал ближайший помощник главы татарской общины Мурад, человек с перебитым носом и руками каратиста-профессионала, вместе со смазливой чернобровый мальчишкой лет шестнадцати, тем самым, что голым лежал на кровати перед турком Абу Али. При виде его Муслетдин с досадой поморщился и отвернулся к окну. Некоторое время царил напряженный молчание. Вошедшие неподвижно стояли посреди комнаты и ждали первого слова повелителя.

– Ну, с чем пришли? – наконец вполголоса, не оборачиваясь, промолвил Муслетдин.

– Все идет нормально, мой господин, – тут же заговорил Мурад. – Наш Абу Али на мальчишку клонул.

– Пидор хренов, – едва слышно пробормотал старый татарин, хмуро глядя в окно.

– Да, но в нашем деле это же просто находка, – осторожно возразил ему Мурад. – Теперь, когда он клонул, нам осталось только подождать немного, и можно будет раскрутить Абу Али на хорошую сумму.

– Шантаж, стало быть, – констатировал вполголоса Муслетдин, глядя на недостроенный минарет. – Ради такого высокого дела – шантаж...

Двое стоящих посреди комнаты татар не шевелились, зная, что в лирическом настроении, в каком находился сейчас их господин, беспокоить его глупыми возражениями крайне опасно.

Внезапно Муслетдин резко обернулся и посмотрел в упор на татарского мальчишку, бледного от волнения и страха.

– Расскажи, как вел себя Абу Али наедине с тобой! – властно приказал Муслетдин.

Татарчонок растерялся, поглядел вопросительно сначала на Мурада – тот дипломатично отвернулся, – потом на грозного господина.

– Я тебя не о том спрашиваю! – грозно нахмутив брови, загремел Муслетдин. – Меня не интересуют подробности ваших любовных игр. Я спрашиваю, как он вел себя с тобой? Был ласков, груб, горяч, вежлив, равнодушен?

– Мне показалось, – юношеским ломающимся баском ответил наконец Азамат, – что турок без ума от меня.

Муслетдин одобрительно кивнул.

– Хорошо. Он тебе что-нибудь говорил?

– Говорил, что я для него прекраснее любой женщины, что он не хочет отпускать меня.

– Так... – Муслетдин сморщил нос, однако вид у него был вполне довольный. – Не обижает?

– Что вы! – Татарчонок попытался улыбнуться. – Он совсем голову потерял из-за меня. Говорит, что дня без меня прожить не сможет.

– Он ничего не предлагал тебе?

– Предлагал. – Азамат стыдливо потупился. – Он предлагал мне встречаться с ним каждый день, как только у меня будет время.

– Ты согласился?

– Конечно! Ведь вы же приказали мне соглашаться на все, что бы Абу Али ни предлагал мне.

– Так, хорошо.

– Я же говорю, Муслетдин, – встрял в разговор Мурад, – что все идет как надо. Это была хорошая идея, надменному турку нашего мальчишку подсунуть.

Муслетдин удовлетворенно кивнул, отвернулся к окну, наморщил лоб.

– Это еще не все, – осмелился продолжать татарчонок. Муслетдин с гримасой недовольства на пухлом лице повернулся к нему. – Еще он предложил мне поехать учиться в Штаты.

– Куда? – изумленно переспросил старый татарин.

– В США. Буквально с началом этого учебного года.

– Красивые сказки!

– Нет, он клялся мне! И потом... – Татарчонок смущенно запнулся.

– Ну? – Муслетдин грозно нахмурил брови.

– Он показал мне документы, визу на мое имя. Там проставлен сентябрь, месяц отъезда...

– Ты уверен?

– Конечно! Я же знаю, как должна выглядеть настоящая загранвиза. Меня не обманешь.

Муслетдин и Мурад озадаченно переглянулись. Даже для Мурада эта информация была новостью.

– Это дело нужно держать под контролем, – задумчиво проговорил старый татарин. – Оно становится все интереснее.

– Будет сделано, мой господин! – сказал Мурад.

– А ты, – Муслетдин повернулся к татарчонку, – будешь рассказывать моему помощнику все, что будет говорить твой Абу Али. Понял меня? Все дословно!

– Я все сделаю, мой господин! – торопливо ответил смазливый юноша.

Старый татарин величественным жестом хлопнул два раза в ладоши, появившемуся старому слуге сказал повелительно:

– Проводи Азамата к выходу из дома.

Когда татарчонок ушел, Муслетдин снова отвернулся к окну, некоторое время созерцал недостроенную башню минарета, шевеля при этом пухлыми губами. Мурад в это время покорно стоял посреди комнаты, боясь пошевелиться.

– Ну, что скажешь? – внезапно оборачиваясь, спросил Муслетдин. – Как тебе нравится вся эта история?

– В предложении Азамату учиться в Америке есть что-то очень странное, – ответил Мурад.

– Может быть, мальчишка по неопытности что-нибудь напутал? Может быть, хитрый турок просто вешает ему лапшу на уши, чтобы мальчишка был поговорчивее?

– Не похоже, – возразил ему Мурад. – Азамат не дурак и на самом деле знает, как загранвизы выглядят.

– Откуда?

– Бывал много раз и в Турции, и в Албании.

– Так это с родителями!

– Не только, – сказал Мурад спокойно и внушительно.

Муслетдин бросил на своего помощника короткий суровый взгляд, покачал головой.

– Тогда как же все это понимать? – озадаченно проговорил старый татарин. – Разве Абу Али собирается в ближайшее время уезжать из Крыма?

– Нет, насколько я знаю. Да и как он поедет без своего любовника? Азамат не будет врать, Абу Али подсел на него плотно.

– Значит, Абу Али едет вместе с ним! – жестко возразил ему Муслетдин. – Для того и оформил визу.

– Но почему Америка, а не Турция?

Муслетдин не ответил, снова повернулся к окну, стал созерцать недостроенный минарет, шевеля при этом губами, будто беззвучно произнося молитву.

– Ясно одно, – негромко проговорил он, не оборачиваясь. – Времени у нас остается немного, затягивать дело с турком нельзя. В самое ближайшее время тряхнем его на предмет денег. Так что скажи Азамату, пусть будет начеку. И пусть постарается выведать у этого своего пидора, когда тот собрался уезжать.

– Слушаю, мой господин! – Мурад низко поклонился.

– Так, – не спеша продолжал Муслетдин. – Что ты узнал про того славянского моряка, с которым мы застукали Абу Али?

– Ничего интересного, – ответил Мурад. – Военный пенсионер, бывший моряк. Теперь числится смотрителем маяка на мысе Фиолент, это в восьми километрах от Севастополя.

– Так ведь этот маяк закрыт и полуразрушен!

– Фактически да. Ну, своего рода теплое местечко для старого моряка. Чтобы не тосковал по родному морю, не нищенствовал на свою военную пенсию.

– Тоже мне, пенсионер нашелся! – пробормотал недовольно Муслетдин. – Да ему на вид лет сорок пять! На нем еще пахать можно!

Мурад безмолвно поклонился в подтверждение правоты своего господина.

– И какие такие общие дела могут быть у Абу Али со смотрителем заброшенного маяка? – спросил Муслетдин.

– Этого выяснить не удалось.

– Ну да, конечно! – Старый татарин кивнул с самым мрачным видом. – Это все тоже темная история! – решительно сказал он.

– Согласен, – отозвался Мурад.

– Этим смотрителем маяка тебе тоже надо заняться! Возможно, он тоже раскручивает нашего Абу Али на хорошие бабки. А нам в нашем деле конкуренты абсолютно не нужны!

– Слушаю, мой господин!

Мурад низко, до земли поклонился и, поняв, что прием у старого татарина окончен, стал задом пятиться к двери. Муслетдин в это время стоял, отвернувшись к окну, и даже не смотрел на унижительный ритуал, выполняемый его непосредственным помощником.

Глава 11

Пролив Босфор, соединяющий не самое большое Черное море с совсем уж крохотным Мраморным, так узок, что больше похож на неширокую, протекающую между розовых мраморных скал речку, от одного берега пролива до другого, кажется, рукой подать. Только вода в этой речке морская, горько-соленая и непригодная для питья, и течение в ней слабое и почти незаметное, как в болоте. Сильные шторма в этой части земли случаются сравнительно редко. Поэтому, несмотря на опасную близость скалистых берегов, проход из Черного моря в Средиземное среди капитанов дальнего плавания считается относительно безопасным и легким.

На флагштоках стоявших теперь на босфорском рейде двух военных кораблей полоскались на слабом ветру звездно-полосатые флаги. Это был небольшой отряд кораблей Шестого флота ВМС США, дислоцированного в Средиземном море: ракетный фрегат, или, по российской классификации, ракетный крейсер, и эсминец. Оба судна направлялись в Севастополь с дружественным визитом, а на босфорском рейде остановились для пополнения запасов продовольствия и пресной воды, выполнения мелкого текущего ремонта, а также небольшого отдыха экипажей.

Флагманом этого отряда был, конечно же, ракетный фрегат – не самое большое судно в американском военно-морском флоте, имеющем в своих рядах несколько огромных авианосцев, однако грозная боевая сила, вооружение которого включает соответственно названию и ракеты, и артиллерийские орудия. Именно на флагштоке ракетного фрегата был поднят и теперь лениво поворачивался на едва ощутимом южном ветру адмиральский штандарт, личный флаг командира отряда адмирала Джорджа Симмонса.

Сам адмирал в это время находился в своей роскошной каюте, расположенной в верхних этажах палубной надстройки крейсера. Удобно устроившись в кресле, он курил толстую гаванскую сигару, выпуская облака сизого ароматного дыма и небрежно стряхивая пепел в стоящую рядом на невысоком столике пепельницу. Адмирал Симмонс был мужчина лет около пятидесяти. Его крупная с высоким лбом и массивной челюстью голова была совершенно лысой, чисто выбритое, загорелое от многолетнего пребывания под жарким солнцем Средиземного моря лицо прорезывали глубокие морщины, что придавало ему выражение особенной жесткости и непреклонности – возможно, таким и был характер адмирала Симмонса на самом деле.

В своей личной каюте адмирал сидел не один. В глубоком кресле напротив него расположился представительный мужчина лет тридцати пяти, в очках, с ранними залысинами на голове, больше всего похожий на скромного банковского служащего, однако на плечах его были погоны старшего офицера Военно-морских сил США. Несмотря на то что адмирал был старше его и по возрасту, и по званию, этот представительный мужчина вел себя с командиром отряда на равных, беседовал, словно находясь в офисе крупной фирмы в Штатах, а не на борту боевого корабля.

– Мы намерены оставаться на рейде в Босфоре до?.. – спросил представительный мужчина.

– До завтрашнего утра, мистер Клиффорд, – стряхивая пепел, ответил адмирал Симмонс. – Условленная дата прибытия в Севастополь первое сентября. Времени вполне достаточно.

– В пути возможны задержки, непредвиденные ситуации, аварии?

– В море возможно всякое. – Адмирал выпустил изо рта клуб ароматного табачного дыма. – Однако мы не ржавая баржа с мазутом. Военные корабли и строятся таким образом,

чтобы всевозможные природные катаклизмы не помешали выполнению поставленной боевой задачи.

Представительный мужчина, названный Клиффордом, некоторое время внимательно изучал спокойное, бесстрастное лицо адмирала, потом кивнул.

– Выполнение этого перехода в срок на вашей ответственности, адмирал, – сказал он. – От соблюдения сроков прибытия зависит многое в нашей операции.

Адмирал небрежно стряхнул пепел с сигары.

– Что, например?

Стэнли Клиффорд не ответил. Некоторое время в адмиральской каюте царило молчание.

– Текущий ремонт судов, – наконец заговорил представительный мужчина, – пополнение запасов пресной воды, топлива и провианта, все это осуществляйте здесь, адмирал.

– Вот как? Почему?

– Когда прибудем в Севастополь, для этого возможности не будет, – был ответ. – В Севастополе мы только встанем на рейде, но в сам порт заходить и швартоваться там не будем. Это приказ нашего ведомства.

– ЦРУ экономит деньги на портовых услугах? – Губы адмирала тронула едва заметная усмешка.

– Вы должны выполнять приказы, а не иронизировать по их поводу! – Тон Клиффорда сделался жестким, запелляционным.

Адмирал, однако, продолжал чуть заметно улыбаться, глядя на своего собеседника ясными, спокойными глазами.

– Но это будет выглядеть несколько странно, – заметил он, – если военные корабли, прибывшие с дружеским визитом, откажутся швартоваться в порту.

– Тем не менее придется сделать именно так! – заявил агент ЦРУ решительно. – Насколько я знаю морское право, ни таможенники, ни пограничники не имеют права досматривать суда, не пришвартовавшиеся в порту, а оставшиеся стоять на рейде, пусть даже и в территориальных водах страны.

– Верно, не имеют, – с чуть заметной усмешкой ответил адмирал. – Тем более военные суда. Тем более корабли ВМС Соединенных Штатов. Но только нам с вами какое до этого дело? Уж не собираетесь ли вы организовывать в севастопольской бухте контрабанду наркотиков?

Стэнли Клиффорд сделал нетерпеливое движение. Ирония адмирала действовала ему на нервы.

– Насколько я знаю морское право, – продолжал он, – наши суда считаются суверенной территорией Соединенных Штатов.

– Да, это так, – подтвердил адмирал.

– И всякий человек, достигший этой территории, сразу же попадает под нашу юрисдикцию.

– Верно. И что дальше?

– Значит, – заключил Стэнли Клиффорд, – мы в таком случае никому не обязаны давать отчет про тех людей, что находятся на борту наших кораблей.

Адмирал Симмонс не спеша стряхнул пепел со своей роскошной сигары, пристально глянул на своего собеседника.

– А вы думаете, – сказал он, – кто-нибудь в Севастополе захочет проверить списки нашей команды?

– Согласно морскому праву, – не слушая его, продолжал агент ЦРУ, – всякий человек, достигший борта нашего крейсера, сразу же подпадает под нашу юрисдикцию. И мы имеем

право не выдавать его обратно властям страны, в территориальных водах которой мы находимся. Если, конечно, при этом мы не пришвартовались в порту, а просто стоим на рейде.

Адмирал Симмонс снова некоторое время внимательно изучал физиономию своего собеседника.

– А что, – наконец проговорил он внушительно, – ожидается такой человек, который захочет достигнуть наших кораблей и оказаться под нашей юрисдикцией?

– Ожидается!

Командир отряда тихо присвистнул, выпустил клуб дыма изо рта и посмотрел на агента ЦРУ со смесью иронии и недоумения.

– Вы хотите подобрать в Севастополе какого-то своего шпиона, добывшего вам нужные сведения, и для этого гоняете за тысячи километров два мощных военных корабля?

– Да, это так, – сухо заметил Стэнли Клиффорд. – Рад, что наконец-то вы поняли поставленную перед вами задачу.

Казалось, адмирал не заметил колкости последнего замечания своего собеседника.

– Как я вижу, ваше ведомство не боится устроить международный скандал, – спокойно заметил Джордж Симмонс. – И, видимо, не думает, что теперь не времена холодной войны и что государство, в водах которого мы будем находиться, называется не Советский Союз, а суверенная демократическая Украина. Послушайте! Неужели вы не понимаете, что списать весь инцидент на то, что мы будто бы спасаем свободомыслящего человека от преследования приспешниками тоталитаризма, как это было в прошлые времена, теперь не удастся!

Офицер ЦРУ внезапно повернулся к адмиралу, холерное лицо его побагровело от едва сдерживаемого гнева.

– Мне кажется, будет лучше, если каждый из нас будет заниматься исполнением своих обязанностей, – чеканя каждое слово, сказал Стэнли Клиффорд. – Я же не даю вам указаний по судовождению, а целиком доверяю это дело вам. Вот и вы будьте добры не лезть не в свое дело! Ваша задача: оказаться на рейде Севастополя до первого сентября, чем раньше, тем лучше. За все то, что будет происходить дальше, отвечаю я. Вам приказ понятен?

Адмирал Симмонс спокойно кивнул и принялся раскуривать новую гаванскую сигару. Внешне его лицо было бесстрастно, но, зная офицер ЦРУ адмирала несколько дольше, он бы придал большее значение упрямой складке, залегшей возле самой переносицы на его суровом, изрытом морщинами лице.

Глава 12

По пути в Севастополь Алексей Дорофеев, сидя за рулем белого «Лексуса», болтал без умолку. Обращаясь главным образом к сидящей на заднем сиденье Наташе, он рассказывал ей всякие забавные истории о том, каким крутым моряком был ее муж Серега Павлов в славное время своего обучения в балаклавской учебке. Подъехав к воротам санатория, Дорофеев сделал извиняющуюся мину, как будто и в самом деле очень не хотел увозить ее мужа, но тем не менее должен...

Наталья не обращала особенного внимания на весь этот цирк и поспешила по дорожке к высившемуся среди деревьев зданию санатория – ее ребенок давно нуждался в отдыхе. Проводив ее завистливым взглядом, Дорофеев развернул белый «Лексус» и помчался обратно домой, в Балаклаву. Сидящий рядом с ним Полундра молчал, казалось, его мучил стыд из-за того, что оставил жену в санатории, а сам отправился пьянствовать.

На выезде из Севастополя Алексей Дорофеев вдруг притормозил. Кивнул Полундре в сторону скромно стоявших у дороги двух девушек, загорелых, в коротких юбках, с длинными, спускающимися до плеч волосами.

– Эх, Серега, смотри, какие девчонки! – воскликнул он, и глаза его весело заблестели. – Давай снимем их, а? Вчетвером праздновать будет веселее.

– Ты в своем уме? Меня жена в санатории ждет.

– Серьезно? – Алешка Дорофеев расхохотался. – Раньше ты не был таким занудой! И от девушек не отказывался.

– Раньше я не был женат, – спокойно возразил Полундра. – И потом, девушки, по моему, занимаются тут известно чем, относятся к древнейшей женской профессии.

– Да брось ты! – расхохотался Дорофеев. – Смотри, они нормальные девчонки.

– Откуда ты знаешь?

Но Дорофеев уже притормозил у тротуара неподалеку, и две девицы, будто только и ждали этого, подбежали к машине.

– Простите, а вы до Балаклавы нас не подбросите? – сладостным голосом прошептала одна из них, жгучая брюнетка со смуглым загорелым лицом.

Она вопросительно уставилась на сидящего справа Полундру, как будто от него зависело, согласится ли Дорофеев их подвезти.

– Ой, какие мужчины! – воскликнула другая, шатенка с мягкими, нежными чертами лица, просовывая голову в открытое окошко «Лексуса». – Пожалуйста, возьмите нас до города. А то мы отстали от нашей группы и вот не знаем, что теперь делать.

– Откуда вы отстали? – с усмешкой переспросил Дорофеев. – От какой такой группы?

– Мы туристки, – с готовностью ответила брюнетка. – Приехали из Рязани. Впервые в Крыму...

И она снова уставилась на Полундру просительно. Старлей старался не смотреть в ее сторону, однако обворожительное девичье лицо все приближалось к нему.

– Слышь, Серега? – Дорофеев посматривал на своего старого друга весело. – Ты чего сидишь, как японский бонза? Давай, в самом деле, поможем девчонкам! Ты как, не против?

Полундра нехотя глянул на жалобные, просительные физиономии двух девушек, потом пробормотал сквозь зубы:

– Не против.

Две девицы будто только и ждали этих слов. Они тут же кинулись открывать заднюю дверцу, проворно забрались на заднее сиденье. Сели там смирно, как две паиньки, ожидая, когда машина тронется в путь. Дорофеев покосился на своего друга, сидевшего с каменным

лицом, усмехнулся, но ничего не сказал. Рывком тронул машину с места, помчался по неширокой, петляющей серпантином по склону горы дороге.

Меньше чем через четверть часа роскошный «Лексус» притормозил у ворот новенького, с иголочки двухэтажного коттеджа, и сидевший за рулем Дорофеев объявил, ослепительно улыбнувшись:

– Все, приехали, вот мой домик. Погодите минуту, я ворота открою, внутрь заеду.

Дорофеев, не выключая мотора, вылез из машины, пошел открывать ворота. Полундра с изумлением оглянулся назад, ожидая, что девушки будут протестовать, жаловаться на то, что привезли их совсем не туда, куда было нужно.

Однако ничуть не бывало! Девуцы сидели смирно и выглядели вполне довольными тем, что оказались возле этого домика.

– Это ваш собственный домик, да? – прошептала шатенка, обращаясь к вернувшемуся к машине и усевшемуся снова за руль Дорофееву.

– Ну, а то чей же! – ответил тот, осторожно трогаясь с места и заезжая в раскрытые теперь настежь ворота на посыпанную розовым гранитным щебнем небольшую парковку возле самого дома.

– Здорово! – восхищенно проговорила шатенка.

И брюнетка вторила ей:

– Ой, как здесь красиво.

«Домик», куда привез их Дорофеев, и в самом деле был неплох. Недавно отстроенный, из белоснежного, еще не успевшего потемнеть от времени и непогоды кирпича, изяществом своим он походил на яркую ярмарочную игрушку. Окна первого этажа были застеклены огромными, словно магазинная витрина, матовыми стеклами с синеватым отливом и закрыты фигурными коваными решетками. Окна же не достроенного пока второго этажа оказались вовсе без стекол, какие-то длинные рейки и брусья стропил торчали из пустых оконных проемов.

Сам дом был расположен в дальнем от ворот углу довольно обширного приусадебного участка, и до него нужно было еще идти метров десять по бетонной дорожке, аккуратно выложенной посреди вспаханной садовой земли и сверкающего яркой зеленью газона с тщательно подстриженной травой. Такие же дорожки вели к другим строениям дорофеевской «усадьбы», которая теперь была совершенно открыта палящим солнечным лучам, но со временем обещала превратиться в тенистый уголок благодаря многочисленным недавно высаженным деревьям.

– Кто ж тебе устроил весь этот маленький рай на земле? – не удержался, спросил Полундра у своего бывшего командира и друга, выбравшись из «Лексуса».

– Сам, конечно, – усмехнулся Дорофеев. – Кто же еще мне будет устраивать? Мой хозяин богат, своим людям платит щедро. Ладно, пойдемте в дом, – негромко добавил он, обнимая за талию и прижимая к себе шатенку.

Жгучая брюнетка взяла под руку Полундру и пошла рядом с ним. Старлей, как ни хмурился, вынужден был смириться с этим. Не вырываться же ему из женских объятий!

Вчетвером они поднялись на широкую веранду, откуда открывался великолепный вид на море и Балаклавскую бухту. Ослепительное южное солнце в этот час спустилось так низко, что совершенно скрылось за горой, отчего на «усадьбу» Лешки Дорофеева упала густая тень, и стали сгущаться вечерние сумерки. Мягкий южный ветерок с моря нежно овеивал утомленные жарой и дневными заботами лица, доставляя этим несказанное удовольствие. На самой веранде уже стоял большой обеденный стол, совершенно пустой, только накрытый белоснежной скатертью. Кивая на этот стол, Алешка Дорофеев предложил:

– Ну что, Серега, может быть, на свежем воздухе и устроимся? Как ты думаешь?

Полундра в ответ пожал плечами. Почему бы и нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.